

Алекс Рэй

**Запах
оружия.
Запахи
смерти**

Алекс Рэй

Запах оружия. Запахи смерти

«Издательские решения»

Рэй А.

Запах оружия. Запахи смерти / А. Рэй — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909735-4

Новая Земля похожа на планету прародительницу. Леса, горы, пустыни и... бесконечные войны. Людей не переделать, даже пролетев триллионы километров, они снова готовы воевать. Ян Нозов — простой технарь, едет настраивать солнечные генераторы, а попадает на войну. Он сражается в рядах ополчения в Великой пустыне, партизанил в Златогорье, учится выживать и бить врага. Много раз его выручает сверхобоняние — его генетический дар и проклятие. То, что заставляет его чувствовать запах оружия и запахи смерти.

ISBN 978-5-44-909735-4

© Рэй А.

© Издательские решения

Содержание

Великая пустыня	6
Златогорье	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Запах оружия. Запахи смерти

Алекс Рэй

© Алекс Рэй, 2018

ISBN 978-5-4490-9735-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Великая пустыня

Запах оружия, кислого табака и армейских ботинок... Недремлющее подсознание прогнало эту смесь по своим загадочным алгоритмам, и выдало наверх сигнал тревоги – Ян проснулся. «Они внизу, на первом этаже» – понял он, но напряжение не отпускало. Он медленно встал, прошёлся босыми ногами по истёртому ковру, прижался лбом к прохладному стеклопакету. Рассвет. Безмолвная тишь бескрайних песчаных дюн – ни деревца, ни кустика. Старая гостиница на самом краю города – серая пятиэтажная коробка с подземными коммуникациями, солнечным генератором на крыше и длинным коробом системы кондиционирования. Меньше двадцати шести по Цельсию система не выдавала, и липкий пот за эту неделю стал привычным ночным спутником. Ян открыл дверцу настенного холодильника и достал бутылку воды – в этот момент тяжелые ботинки затопали по второму этажу. Чего им здесь надо? – подумал Ян, и в ту же секунду раздался громкий стук в дверь. Усталый офицер в мятой форме сверился с планшетом и сказал.

– Ян Нозов, год рождения пятьсот семьдесят второй. Верно?

– Ну, допустим.

За спиной офицера топтались двое солдат в полной боевой выкладке, их стальные каски нелепо зеленели в унылом свете узкого обшарпанного коридора. На этаж с кряхтением выбрался полицейский. Он деликатно икнул, прикрывая рот пухлой ладошкой, но прогорклый запах перегара Ян уловил давным-давно, еще, когда коп поднимался по лестнице.

– В округе введено военное положение, вы подлежите немедленной мобилизации. Через пятнадцать минут сбор в вестибюле гостиницы. Подтвердите уведомление.

Чёрный прямоугольник тактильного сканера – зловещий портал в другое измерение, коснись его и станешь винтиком огромной машины. Жернова армии федерации перемолят тихую гражданскую жизнь, сотрут личность и скорей всего исторгнут в числе многих тысяч в камеру кремации. «Если будет вообще, что кремировать» – грустно покачал головой Ян.

– Давай быстрее, парень, – вмешался коп. – Есть приказ сверху – из уклонистов формировать роты смертников. Тебе где сподручней?

– Я вообще-то тут в командировке. – Попытался отмазаться Ян, сам понимая, что тухлая это тема. Ребятам в камуфляже, побоку кто он и откуда, тут пять этажей таких – кто на неделю, кто на две. Офицер настойчиво протянул сканер.

– Не тратте моё время, гражданин. Враг всё ближе!

Ян вздохнул и приложил ладонь к сканеру, спустя секунду высветились все данные Яна Нозова, двадцати двух лет отроду – фото, место рождения, проживания, место работы. Офицер тут же потерял к нему интерес и направился к следующей двери.

– Собирайся на войну, малыш. – Коп потрепал Яна по плечу.

– А с кем мы воюем?

– А то ты не знаешь.

Ян закрыл дверь. Он понятия не имел.

Решение свинтить пришло совершенно естественно. Во-первых, – воевать дело солдат, а во-вторых, тут полно местных – вот пускай и оторвут задницы от своих дурацких плетёных кресел. Этих неторопливых южан Ян за неделю насмотрелся предостаточно – дремлют в своих гамаках на крыльце или пьются в белёсое небо пустыни, словно видят там что-то этакое, недоступное остальным. Побросать барахло в рюкзак – две минуты, натянуть мешковатые рабочие штаны, рубашку, и зашнуровать крепкие кожаные башмаки ещё полторы. Ян с тоской посмотрел на оранжевый чемоданчик с анализатором цепей и ключами для солнцегенератора. «Шеф мне голову оторвёт!» Чёртов ХАКС стоил как две годовые зарплаты, и весил почти девять

килограмм. Ян выругался сквозь зубы и пристроил чемоданчик под клапаном рюкзака. Ну, всё – поехали.

Дверь пожарного выхода он нашёл в крохотном тамбуре в конце коридора. Она была заперта – электронный замок открывался с пульта портье или от датчиков задымления. Ян достал из чехла на поясе multifunctional нож и полез в потроха щитка управления. Он лихорадочно искал управляющую цепь, а запах перегара надвигался неумолимой тошнотной волной.

– Ну, дураааак.– Протянул до боли знакомый голос за спиной, Ян медленно обернулся, поднимая руки. Как себя вести с пьяной полицией он заучил давно – не раз огребал по почкам шоковой дубинкой.

– Я тебя даже арестовывать не стану. – Коп наклонился к Яну, дыша перегаром. – Ты ж думаешь ты тут самый умный. – Он с довольной ухмылкой ткнул пальцем в беспроводную камеру, приклеенную под притолокой тамбура. – А тут самый умный я. – Коп ткнул Яна кулаком в грудь. – Топай в вестибюль, и мой тебе совет, больше не дергайся. Ты подписал уведомление, и если тебя не будет на мобилизационном пункте, лейтенант нажмёт пару кнопочек на своём планшете, и ты станешь вне закона. Знаешь, каково это? Первая же публичная камера, в которой мелькнёт твоя рожа, поднимет тревогу, и уровень будет третий, а третий – это огонь на поражение. – Полицейский легонько подтолкнул Яна к выходу. – Иди, парень. Может, успеешь пристрелить пару ублюдков, прежде чем тебя поджарят.

В вестибюле гостиницы развалились в потрёпанных креслах трое солдат. Расслабляются, пока офицер гонит сюда свежее пушечное мясо. Ян покосился на воронёные стволы автоматов прислоненных к креслам и прошёл к стойке. Бойцы лениво рассматривали его, один взял автомат и положил себе на колени.

– Э, – крикнул он. – Уведомление получил?

Ян кивнул.

– И откуда тебя принесло, братишка?

– Централь-Приполярный округ – буркнул он.

Бойцы присвистнули.

– Далеко забрался. У вас там сейчас, небось, уже холодно, метели метут.

Ян через силу улыбнулся.

– Ага, метут.

От бойцов пахло тушёными овощами, дезинфектором и наглой самоуверенностью. Ян не раз встречал этот тонкий привкус скрытого ожидания. Стоит сказать лишь одно неправильное слово и последует та самая демонстрация превосходства. Кто-нибудь из них врежет ему по морде просто потому, что он гражданский. Не так одет, не так подстрижен, в конце концов, не так ходит и говорит. Ян представил, как выглядит в глазах этих бравых воинов. Худой сопляк, ниже среднего роста, с торчащими лохмами соломенных волос. Ну, и конечно, нос. Огромный шнобель – его семейное генетическое проклятие.

– Слушай. – Солдат подошел к стойке, и громким шёпотом обратился к Яну. – Поделись секретом, как ты с такой хреновиной целуешься с девушками?

Дружный хохот взорвал сонную тишину вестибюля. Ян отвёл взгляд и посмотрел в большое окно – солнце поднималось над пустыней, расцветивая дюны в розовые тона. Эта шутка насчет носа, она была, наверное, стотысячной в его жизни и он уже давно научился не обращать внимания. Но не в этот раз!

– У тебя изо рта воняет, как из силосной ямы. ЭТО тебе не мешает целоваться с девушками?

Боец опешил распятый в дилемме. Врезать наглицу кулаком или все-таки прикладом автомата, так чтоб уже наверняка. В этот момент в вестибюль спустились ещё двое мобилизованных – высокие крепкие мужики в синих инженерных комбинезонах.

– Эй, военный! – Рявкнул один из них громогласным басом. – Завтрак нам вообще полагается?

Шутник как-то сразу сник, и Яну показалось, что он даже стал чуть ниже ростом.

– Сейчас лейтенант вернётся, все вопросы к нему.

– Ну, да. Когда он нарисуетя, мы сразу на пункт сбора поедем, я-то знаю.

Мужчина подошел к стойке и смерил взглядом Яна и шутника.

– Золотце, – обратился он к девушке-портье, – открой нам вашу тошниловку, мы хотя бы чаю успеем перехватить.

– Извините, никого из персонала столовой нет, рано еще – шесть утра.

– Не дрейфь, дорогуша! Мы сами справимся, и денег оставим сколько нужно. Открой, а? Мужчины на войну идут...

Девушка вздохнула и протянула электронный ключ. А вот Яну уговорить её принять на хранение дорогуший ХКС-120, так и не удалось.

Басовитого звали Пётр, и его кулак с татуировкой якоря был ненамного меньше Янова черепа. Второй флотский отзывался на «Деда», и всё больше молчал, сосредоточенно дул на чай и поглощал вчерашние булочки из буфета. Они приехали в крохотный Баровск принимать с оптико-механического завода партию морских биноклей, и чалились в гостинице «Скарабей» уже две недели. Яна так и подмывало спросить, почему морские бинокли делают на краю пустыни – в тысяче вёрст от моря, но он чувствовал, что этот его вопрос мужики с татуировками на волосатых лапищах сочтут глупым. Его ведь никто не спрашивает, почему он мотается по всей стране, налаживая солнечные генераторы, которые вообще выпускают за границей.

– Не ссы, братуха! – Хлопнул его по спине Пётр, и кусок пирожка влетел в горло по инерции. – Главное держись к нам поближе. Выберемся! В строевую часть такой сброд всё равно не возьмут. Дадут лопаты, выкопаем пару траншей... А воевать вон, – он кивнул в сторону вестибюля где отирались трое бойцов в камуфляже – воевать профессионалы будут.

Только к семи утра лейтенант Дворжев спустился вниз, и устало отёр лоб платком. Из постояльцев пятиэтажной гостиницы он собрал человек сорок. Мужчин в возрасте от восемнадцати до пятидесяти пяти лет – то есть, почти всех. Вестибюль рябил муравейником – десятки мужчин сновали туда-сюда, донимали портье идиотскими вопросами и просьбами, толкались, ругались, пререкались с солдатами, лейтенантом и полицейским. В это время Ян и двое его новых товарищей спокойно курили на крыльце и разглядывали небольшой шестиколесный автобус для бездорожья. Когда-то автобус был красивым серебристым аппаратом с обтекаемыми формами, но краска сменилась ржавыми потёками, а сотни вмятин сделали его похожим на старую бочку.

– Интересно, как лейтенант собирается засунуть нас всех в эту консервную банку? – Дед поскрёб ногтями заросшую щетиной щеку. – Чёрт я даже побриться не успел!

– Зато позавтракал. – Загремел басом Пётр, тихо разговаривать он, кажется, физически был не способен.

«Да уж» – подумал Ян – «позавтракали и еще с собой прихватили. Хорошо, что меня мужики под крыло взяли и надоумили прихватить из столовой кое-что посерьезней одной бутылки воды». «Теперь есть и вода и хлеб и консервы», – он перекинул рюкзак на другое плечо – «тяжело только». Двери гостиницы с грохотом распахнулись, и лейтенант с красным

лицом стремительно вышел на крыльцо. Развернувшись в сторону вестибюля, он заорал – стронуться перед фасадом здания!

– Вчера вечером, войска Восточной Империи Тан, внезапно, без объявления войны, вторглись на территорию нашей родины! – Лейтенант окинул орлиным взором нестройный расхлябанный ряд и сплюнул. – Ночью более десятка населенных пунктов, включая города Южно-владск, Мольск на Синем озере и другие подверглись массированным авианалётам. Механизированные колонны врага, при поддержке артиллерии и авиации рвутся вглубь нашей страны. В этот трудный час...

Дальше Ян не слушал, он погрузился в свои мысли, пытаясь понять, как такое могло произойти. С Восточным Таном его страна уже воевала, с Южным тоже. Да и на западе Северной федерации никогда не было спокойно, в Тёмные века был даже обмен локальными ядерными ударами. Людей не переделать, они всегда будут воевать, даже на этой Новой Земле, именно этому его учили в школе. Но, ёрш твою же меть! Куда смотрели военные? Опять внезапно, мать их! Опять никто не был готов!

– Отряд! – Громкий вопль лейтенанта вернул Яна на выщербленный асфальт перед «Скарабеем». – Первые тридцать человек. Налееево! В автобус шагом марш.

Ни хрена не шагом марш. Толпа, переглядываясь, переговариваясь, кое-как повернулась, а потом пошла гурьбой, волоча сумки, рюкзаки и командировочные портфели.

Ян с моряками шёл во главе колонны. Нырнули в пропахший пылью и выхлопом изгвазданный салон, заняли места в корме, рюкзаки пристроили на коленях. Те, кому не досталось сидений, зло матерились, пихались и пытались пристроить своё барахло на головы сидящим – набились как сельди в бочку. Последним в салон зашёл лейтенант, инструктируя напоследок одного из своих бойцов.

– Доедем до сбора, пришлю автобус обратно. Гляди тут! Чтоб никто не смылся!

– Так точно, тащ лейтенант. Приглядим. Никто не пикнет у меня.

– Ладно. – Лейтенант Дворжев махнул рукой, и устало опустился на оставленное для него свободное место. – Поехали.

Когда-то Баровск прятался в ущелье на окраине Великой пустыни. Но шли годы, городок рос и, наконец, выполз на песок, поближе к скважинам с веспенем – горючим газом, основой цивилизации Новой Земли. Автобус пофыркивал двигателем, взбираясь на очередной бархан, обходя городок с юга. Так было быстрее – крутиться в хитросплетениях лачуг сезонных рабочих, кстати, в большинстве своём из Южного Тана – менингит еще тот. Куда проще вдавить педаль в пол, и нестись на широких колесах по пескам, вздымая тучи пыли. Ян смотрел в окошко справа от себя, мимо проносились песчаные дюны, серебристые колонны скважин, чёрные точки копошащихся возле них рабочих. Слева вздымались тёмной громадой горы. Тут, в пределах знойного дыхания Великой пустыни, на них было мало деревьев. Лишь дальше на север горы превращались в зелёных дремлющих исполинов. Там были звонкие ручьи, густая тайга богатая дичью и блестящие золотом рудные жилы. Ян знал. Он уже несколько раз бывал в восточных пределах страны, и, кстати говоря, притязания соседей на эти земли понимал прекрасно. И Восточная Империя и Южный Тан были перенаселены и из своих земель давным-давно высосали все соки. Они алчно смотрели на богатые, малонаселенные восточные земли федерации и уже не раз пытались оттяпать хотя бы небольшой кусок. Автобус повернул налево и пошёл на север – вдоль узкой речки, сбегаящей с гор и теряющейся в песках. По берегу росли раскидистые акации, кизил, чёрный терновник, и дикий виноград – из этих зарослей и прозвучали выстрелы дробовика. Крупная картечь разнесла в брызги два левых окна, а спустя секунду, в салон влетел коктейль Молотова. Громкий хлопок, пламя ударило

в потолок, ухнуло в стороны и небольшое пространство потонуло в дыму и оглушительном вопле. Ян попробовал вскочить на ноги, но кто-то подмял его под себя, ломаясь к заднему окну аварийного выхода. Он задыхался под тяжестью тел, тысячи запахов душили его, и тут громогласный бас заглушил гвалт и скулёж.

– Отставить панику! Освободить корму. Дайте стекло разбить, сволочи!

Ян почувствовал, как тела давивших его людей отшвырнули могучие руки, раздался звон стекла, и в следующее мгновение кто-то выбросил его наружу. Земля вышибла из Яна дух, на несколько секунд он потерял способность дышать, а сверху уже сыпались другие мобилизованные.

– Бейте боковые стёкла, дэбилы! Чего вы все сюда лезете! – Громыхал Пётр.

Из передней части автобуса послышались негромкие щелчки выстрелов. Лейтенант уложил диверсанта с очередным коктейлем и зацепил второго. Тот бросил ружьё и, зажимая рукой рану в плече, исчез в кустах. Народ тем временем драпал из горящего автобуса. Некоторым досталась картечь или осколки стекла, многие были обожжены. Моряки всё еще были в салоне, они подтаскивали к окнам тех, кто спёкся, и сбрасывали их на руки людей снаружи.

– Ян! – Закричал Дед. – Держи пожитки.

Ян подскочил к заднему окну и схватил рюкзаки.

– Всё! Жмуриков вытащить не успеем, сейчас баллон рванёт!

Моряки выпрыгнули из автобуса и, подхватив свои вещи и раненых, побежали, Ян припустил за ними. Раздался тихий свист, а потом баллон полный веспена грохнул так, что старый автобус подпрыгнул на метр и кривобоко осел, лишившись двух левых колес. Горячая волна приподняла Яна мягкой рукой, и он почувствовал, как ноги болтаются в воздухе. Потом его швырнуло на песок, протащило ещё около метра, и собственный рюкзак треснул его по затылку. Пару-тройку секунд он лежал, судорожно глотая смесь пыли и дыма, и вдруг, словно проснулся. Всё что происходило до этого, казалось затянувшимся утренним сновидением. Солдаты, коп с перегаром, ранний завтрак в странной компании. Но сейчас в ноздри бил запах дыма, опалённой человеческой плоти и свежей крови. И он понял – пришел конец его мирной жизни. Пускай не очень сытой и вольготной, но всё-таки спокойной. Дальше будет хуже, и ещё не раз ему придётся повалиться на земле, вдыхая страшные запахи смерти.

Лейтенант подошёл к трупам застреленного диверсанта и медленно размотал скрывавшую лицо чёрную ткань. Танец – сказал он и сплюнул. – Причем из южных. Наверняка сезонный рабочий. – Он поднялся на ноги и убрал пистолет в кобуру. – Вот вам и пятая колонна.

– Они же вроде терпеть друг друга не могут. Восточники и южане. – Сказал кто-то из толпы.

– Ты за них не переживай. Узкоглазые меж собой всяко договорятся – вера то одна. – Пробасил Пётр. – А вот парочку христовцев прирезать для них благое дело.

Того козла который подмял его в автобусе, Ян вычислил по запаху. Пах этот гад своеобразно и многогранно – настоящий ублюдок. Тщедушный Ян пытался себя укротить, но тело управляемое эмоциями рвалось вперед. Короткий замах, резкий прямой удар – мужик в дорогом измятом костюме покачнулся, правый в челюсть, снизу под дых, тот кажется, даже не понимал, за что его бьют. Он же просто хотел выжить, пускай ценой чужих жизней, но он ведь так важен – целый, мать его, руководитель департамента. Четвертый удар Ян нанести не успел – оттащили.

– Отряд стройся! – Лейтенант прошёл вдоль строя, пересчитывая оставшихся на ногах. Осталось двадцать три человека. Трое мобилизованных и водитель так и остались в горящем автобусе.

– Из подручных материалов соорудить носилки для раненых. На пункт сбора отправимся пешком. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Мобилизационный пункт находился во дворе школы на юго-восточной окраине Баровска. Отряд Дворжева медленно вошёл в ворота и растерянно остановился. Бардак, царивший тут, затмевал собой всё виденное до этого. Несколько сотен мужиков, хаотично метались по территории пустой школы, тащили какие-то ящики, справляли нужду на забор, жгли костры, и раскладывали на траве вещи, сортируя по надобности в предстоящей войне. Лейтенант неопределенно махнул в сторону забора.

– Ждать здесь. – Потом оправил форму и решительно направился к длинному столу, стоявшему у главного входа школы.

За столом сидело несколько офицеров и солдат, у них были голографические планшеты и два старых аппарата дальней связи. Толпа, волновавшаяся перед столом, словно волны штормового океана охватывала этот островок дисциплины и спокойствия. Дворжев протолкался к столу, козырнул и доложил. Ян тем временем достал из кармана тюбик с обонятельным блокиратором и нанес небольшое количество мази над верхней губой – сразу стало легче. Удушьяющая смесь потных тел, мочи, дыма и сотен видов одеколора отступила, и он сел на траву, навалившись спиной на рюкзак. Командир вернулся через пять минут.

– Раненых туда – он указал на боковую дверь с красным крестом. – Остальные за мной.

Они обошли школу справа, миновали пост с заграждением из колючей проволоки и оказались в другом мире. Здесь тоже был стол, но никто не суетился и не бегал. Небольшие группы людей стояли обособленно, каждая под присмотром командира. Офицеры за столом выкрикивали имена и тогда люди подходили, пытаясь имитировать строевой шаг. У некоторых почти получалось. Ян хотел было опять устроиться на земле, но передумал. Тут никто не сидел и не ссал на забор, а уж про костры не могло быть и речи. В дальнем углу – у ворот стояло несколько гражданских автобусов и грузовиков, возле них возилось полсотни человек, загружая длинные зеленые ящики.

– Пётр Войнов. – Донеслось от стола, и Пётр вразвалочку неторопливо направился к офицеру, назвавшему его имя. Спустя пару минут он вернулся, держа в руках цилиндрический чип на цепочке.

– Я ж говорил, воевать не будем. – Он нажал на чипе кнопку, и в воздухе повисло изображение военного билета. – Вторая рота, первый взвод Баровского ополчения. Пётр повесил чип на шею и довольно ухмыльнулся. – Лопатами помахаем и домой...

Ян тоже попал в первый взвод второй роты. Повесив на шею солдатский чип, он почувствовал себя странно. Он ведь ехал в Баровск чтоб наладить пару солнечных генераторов для веспеновых скважин, а попал на войну. Некоторые из их теперь уже первого взвода, ворчали, что местные нарочно гонят на бойню их – приезжих, своих, мол, жалко. Но Ян не верил. На дворе школы по его прикидкам было как минимум три-четыре сотни человек, столько приезжих в маленьком Баровске просто не могло быть. Проснулись-таки местные – думал он. – Вернее разбудили. Первая рота закончила грузить ящики и два длинных шоссейных автобуса выехали за ворота. Дворжев махнул рукой и закричал – вторая рота, выдвигаемся к транспортам. В этот момент из здания школы выскочил солдат и подбежал к столу.

– Товарищ полковник, на школу направлен луч наведения!

Полковник вскочил на ноги.

– Дворжев, уводи людей, быстро! Источник засекали?

– Никак нет, тащ полковник. Ищем...

Дальше Ян уже не слышал, он бежал вместе с остальными к грузовикам и автобусам. Лейтенант во главе своей роты махал рукой водителям, вроде – давай! Заводи, поехали! Два открытых грузовика заревели двигателями и выкатили из-под деревьев на открытую площадку.

– Всем грузиться, первый взвод за мной! – Скомандовал лейтенант на бегу – возьмём из бронетранспорта что успеем.

Ян с моряками и ещё два десятка человек свернули налево и помчались по тенистой алее к бронированной машине на воздушной подушке. В её чреве громоздились штабелями тёмно-зеленые ящики. Ян бежал первым, его тщедушная внешность была обманчива, на работе ему частенько приходилось в одиночку ворочать тяжеленные модули, так что с зарядным ящиком он уж как-нибудь справится. Прапорщик, выдававший оружие и боеприпасы успокаивающе замахал руками. – Не торопитесь, лейтенант, без вас не начнут. Давайте предписание. – Дворжев криво ухмыльнулся.

– На школу нацелен луч наведения. Нужно драпать как можно скорее, так что все формальности потом.

Они успели схватить три ящика с карабинами, два ящика с гранатами и три зарядных. Потом прапорщик ударил по кнопке закрытия аппарели и ховер завёлся, взметая пыль и сухую траву.

Первым из задних ворот школы вылетел тот самый бронированный ховер. Постовой даже не успел открыть створки, тяжелая машина снесла их, не заметив, и помчалась по узкой улице, высекая искры. Следом за ховером школу покинул полковник со свитой, десяток солдат и два пустых автобуса. И только потом, медленно набирая скорость, выползли два старых грузовика второй роты. Сотни людей бежали с территории школы, торопясь уйти до удара авиации как можно дальше. Ян сидел в открытом кузове на притащенном лично зарядном ящике и думал думу уже чуть опытного солдата. Хорошо, что нам грузовики достались, ну, их эти автобусы – сидишь как в клетке. Память услужливо предоставила ему запах горящего в салоне коктейля Молотова, обожженной плоти, обугливающейся одежды. Он потряс головой, прогоняя непрошенные мысли, и тут кто-то закричал. Смотрите! С севера гады заходят! Две черные точки вывалились из облаков над горами и устремились вниз. Всё ниже и ниже. Стал различим вой веспеновых турбин, от самолетов отделились чёточки бомб и бесшумно устремились к зданию школы. Треугольники крыльев мелькнули чёрной тенью и умчались в пустыню; и тут бомбы достигли земли. На месте школы мелькнули вспышки, взвилась серым грибом пыль, и тяжёлые обломки взлетели в воздух. Вдоль узкой улочки прошла взрывная волна, гоня перед собой пыль, мусор и звеня панцирной сеткой заборов. Лейтенант достал тактический бинокль и смотрел на юг. Внезапно он забарабанил по крыше кабины.

– Стой! Стой. Всем спешится. Найти укрытие. Они возвращаются!

Грузовики оказались зажаты на узкой улочке. Водители как могли, прижали их к стенам домов, а вся вторая рота Баровского ополчения рассредоточилась по улице и залегла. Вой турбин нарастал, Ян вжался в плитки тротуара, еще сильнее приник к стене дома. Грохот взрывов в отдалении, две мелькнувшие тени. В этот раз Ян успел рассмотреть самолеты, и мог поклясться, что кабин пилотов на них нет. Лейтенант опять изучал удаляющиеся машины в бинокль, вой утих и Дворжев сплюнул.

– «Свободные охотники»! Дроны. Интересно, с каких пор Западный альянс поставляет их Империи. – Он задумчиво покачал головой и тихо пробормотал – Грузимся. Поехали дальше.

– Рота! По машинам! – Загремел басом Пётр.

– Кстати, Войнов, назначаю вас сержантом. Первый взвод ваш.

Пётр ухмыльнулся и козырнул.

Спустя пятнадцать минут неповоротливые грузовики выбрались, наконец, на южное шоссе и прибавили ходу.

– Товарищ лейтенант. Вы не могли бы вкратце... Боевую задачу, так сказать...

Пётр прополз вдоль кузова и уселся подле Дворжева. Тот кивнул, снял фуражку, вытер лоб платком и сказал.

– Задача левая. Выдвинуться к посёлку Песчанка, к вечеру создать оборонительные рубежи для кадрового состава и отступив в тыл, обеспечить охрану стратегических объектов и отлов диверсантов и саботажников.

Войнов окинул победоносным взглядом остальных бойцов. Ну да. Он был прав. Немного помахать лопатой, застрелить пару диверсантов и домой. На обочине показался развороченный взрывом, всё ещё дымящийся транспортный ховер. «Охотники» поработали – сказал кто-то, и лейтенант заскрежетал зубами.

Через пару километров на дороге стояли догорающие автобусы первой роты. Ян еще издали почувствовал характерный запах гари, и вот она – смрадная истина войны. Два десятка выживших, обожжённых людей сидели и стояли вдоль обочины. Они дрожали, словно от холода, опаленная кожа на лицах темнела чёрными пятнами и лишь глаза без ресниц блестели на тёмном фоне живой болью. В обугленные салоны автобусов лучше было не смотреть. Узлы спёкшихся человеческих тел, скелеты кресел и оконных рам. Кто-то так и повис в окне – чёрный ком, в оранжевых языках догорающего напалма. Ополченцы отдали выжившим половину запаса воды, одну из двух аптечек и лейтенант послал в штаб сообщение. Потом они поехали дальше, – на свой оборонительный рубеж. А тут работа для медиков и похоронной команды, – так сказал лейтенант.

Лента южного шоссе стелилась по волнам песка, грузовики наматывали километры, и больше ни одной машины им не встретилось. К полудню они достигли крохотной, затерянной в дюнах Песчанки. С десяток домиков веспенщиков, серебристые башни добычи вокруг и одна водная скважина. Вторая рота разминала ноги возле грузовиков, а лейтенант тихо совещался о чем-то с шефом газчиков. Спустя десять минут второй роте выдали со склада лопаты, а Дворжев долго осматривая окрестности в бинокль, наконец, вынес решение.

– Первый взвод, копать вон на той дюне к востоку от дороги, на самой вершине, раствор возьмите на складе. Второй взвод – ваша западная. Третий, на вас баррикада на дороге у въезда в посёлок и если успеете две траншеи чуть позади.

– Ну да. – Ворчал спустя время кто-то из ополченцев. – Он бы сам попробовал.

Песок постоянно осыпался и если бы не быстросохнущий раствор, скрепляющий стенки траншеи они бы и за неделю не управились. Солнце жгло нещадно, бидон с водой, притащенный из поселка, пустел с катастрофической быстротой, а работа была только в самом начале. Ян, раздевшись по пояс, махал лопатой, поглядывал на свой рюкзак с консервами и пытался найти изящный выход между своим урчащим животом и шестью десятками таких же. Они-то с моряками, по крайней мере, успели хоть что-то перехватить утром, а остальные ничего не ели с прошлого вечера. Но три банки консервов на шестьдесят рыл – капля в море, однако и давиться втихомолку как-то неудобно, да и спрятаться среди этих долбанных песков негде. Тут Дед распрямился и воткнул лопату в песок.

– Всё! Я хочу жрать! – Громко объявил он. Несколько голосов тут же поддержали его. – Давай, Петро. Дуй к лейтенанту, пускай решает вопрос.

Пётр тоже воткнул лопату, осмотрел нахмуренно свой взвод и пробасил.

– Справедливо. Сейчас договорюсь.

Но пошел он почему-то не к лейтенанту, а к Косову – шефу веспенщиков. Через двадцать минут первый взвод в полном составе сидел в местной столовой. Возле раздачи оттирался тот хрен в дорогом костюмчике, начальник департамента любезничал с поварихой, и нервно косился на Яна, поглаживая расквашенный нос. Деньги пока еще у всех были, но брали под

запись, они ведь теперь вроде как военнослужащие – так пускай Родина и рассчитывается. Пообедав на славу, взвод, сыто покачиваясь, вернулся к неоконченной траншее и залёг в полу-дрёме. Разбудил их взбешённый Дворжев. Отборную армейскую ругань Ян слышал впервые, и сам не заметил, как лопата оказалась в руках, и он уже был весь в работе. Чёрт возьми, это произошло помимо его воли, и как бы там ни было, к вечеру с траншеей было покончено.

Они уже поужинали и лежали на песке, завернувшись в выданные Косовым плёночные накидки.

– А прохладно, мужики. У меня нос мёрзнет.

В темноте послышался короткий смешок. – Иди к Дворжеву в домик попросись, скажи у меня нос мёрзнет. Или к девчонкам в столовую.

– А чего лейтенант нам оружие не выдаёт? – Спросил кто-то.

– А оно тебе надо? Ты стрелял вообще?

– Неа. Но мы же вроде как ополчение.

– Утомись. – Послышался бас взводного. – Мы всего три ящика успели взять. Тридцать шесть старых как хрен знает что, девятимиллиметровых карабинов. На всех всё равно не хватит. Тебе оболтусу я точно КРВ не дам, ты ж нас и перестреляешь с перепугу.

Ян грустно улыбнулся, глядя в глубокое чёрное небо пустыни. Ковчег – единственная луна Новой Земли плыл в недостижимой высоте светлым пятном. Предание гласило, что на этом астероиде люди прибыли на Новую Землю. И как только вышли из анабиоза тут же стали делить вновь обретенную планету. Говорят, первая война началась прямо внутри Ковчега. Разные народы, пробудившись в глубинах астероида, схлестнулись в смертельной схватке за семена, генетический материал, эмбрионы животных и оружие. Потом наступил краткий мир, всем было не до войны, – жалкий миллион хомо сапиенс осваивал новую планету. Но вскоре пришли Тёмные века – больше трехсот лет бесконечных войн, локальных ядерных ударов и хаоса. После этого бардака выяснилось, что историю Старой Земли они знают лучше, чем свою собственную, та хотя бы сохранилась на цифровых носителях. А из высоких технологий уцелело немного – кое-где теперь приходилось использовать паровые двигатели и ветряки. Ян поправил рюкзак под головой и вздохнул. Какого хрена они летели шесть с лишним световых лет? Чтобы всё устроить по-старому? Он закрыл глаза и втянул ноздрями ароматы пустыни. Пахло остывающим песком, далекими грузовиками и тонкими стеблями песчаного стрельника. Запах пота, дешёвых сигарет и немых ног он старался не замечать.

Скромное солнце показало из-за горизонта лишь четверть, а лейтенант Дворжев уже разбудил своих ополченцев. Он выглядел более чем озабоченным и тихим.

– Сержант Войнов, ко мне.

Они о чём-то посоветовались на краю дюны, и Пётр вернулся хмурый и озабоченным, как и лейтенант.

– Короче. Похоже, придётся немножко повоевать. По шоссе прорвалась колонна восточников, а наша смена застряла в Баровске. То ли разбомбили нахрен, то ли веспена нет. В общем, пошли...

Он махнул рукой, и первый взвод направился к грузовикам, там уже стоял Дворжев.

– Через одного! – Кричал он. – Чётные берут карабины, нечётные по две гранаты.

– Это шутка, лейтенант? Может, вы нам предложите лопатами драться?

– Отличная мысль! – Согласился Дворжев. – Держите лопаты под рукой, дойдет до рукопашной, пускайте в ход.

Яну достались две гранаты – он был нечётным. Рассовав два тяжелых шара с универсальным взрывателем по карманам, он задумался. Они что там, в Баровске, всерьез думают, что мы сможем остановить с этим бараклом колонну танцев? Перед внутренним взором воз-

никли идущие, словно по нитке «фри хантеры». Ян достал гранату ГПУ-25, внимательно изучил яркую наклейку на зелёном боку и, сорвав её, бросил на песок. Граната могла взрываться от удара или от установленного на запале времени. Швырну куда подальше, и на дно траншеи – решил Ян. Тут его позвали к завтраку.

«Счастливики» отхватившие карабины, возились с ними, прикручивая баллоны веспена. Магазины с тяжелыми девятимиллиметровыми пулями вставлялись отдельно. Кому повезло на десять пуль, кому не очень, на пять. Конструкция КРВ (карабин ручного взвода) была древней – пришедшей из Тёмных веков. В те времена люди меньше всего думали об удобстве и эстетике, оружие было несграбным, тяжелым, но надёжным. Ян знал, что на складах федерации этого дерьма до сих пор было навалом. Перед строем прохаживался лейтенант.

– Если вашего товарища убьют, вы можете взять у него карабин или гранаты и продолжить бой. Уверяю вас, в такой ситуации не вы первые, не вы последние. Удивляться нечему.

Ну да – думал Ян. У товарища можно взять карабин, если успеешь. Скорей всего, нас всех положат из танковых пулеметов и орудий в первые же тридцать секунд и никого из товарищей не останется. В школе он увлекался историей и теперь пытался понять как это обращение – «товарищ» пережило в армии федерации долгий перелёт в шесть световых лет, и почти шестьсот лет новой истории. В быту все обращались друг к другу – господин, сударь или мужчина на крайний случай. Но в армии Северной федерации все были друг другу товарищами. Теперь Ян, кажется, начинал понимать. Воевать когда рядом товарищ, а не господин как-то ладнее, по-человечески, черт возьми. Да плевать – решил он – в принципе не важно, главное чтоб мои товарищи не рванули в тыл раньше времени. Хотя, куда бежать? Позади сто с лишним вёрст Великой пустыни.

– Сержанты ко мне – крикнул лейтенант. – Остальные разойтись.

Дворжев совещался с взводными минут десять, потом началась жуткая суета. Веспенщики метались по поселку, загружая скарб, в две большие машины, бойцы волокли баллоны с газом на окраину посёлка, несколько человек рыли в насыпи шоссе пару глубоких ям. Третий взвод с ворчанием разбирал баррикаду на въезде.

– Ммаат! То ему сделай баррикаду, то разбери. Какого хера? А?

Первый взвод тоже копал – им достались шесть ям, по три с каждой стороны дороги. Все уже въехали в задумку лейтенанта – выставить дело так, будто посёлок пустой, а потом рвануть баллоны под дорогой или рядом, если техника вдруг попробует сунуться по флангам. В принципе план Дворжева был хорош, во всяком случае, Пётр его одобрял. Две дюны с траншеями шли вдоль дороги, как раз у въезда в посёлок. Если колонну удастся остановить, можно будет врезать перекрёстным огнем с флангов. А там уж как повезёт...

Лейтенант самолично примотал к баллонам сделанные Косовым взрыватели. В ход пошли мощные электрореле веспенщиков, проволока и гранаты взведенные на удар. Провода свели в траншею на окраине поселка, аккуратно присыпали, а потом прошлись по песку вязкими в столовой мётлами. Солнце оторвалось от края земли и поднималось всё выше. Бригада Косова уже эвакуировалась, но он остался, выпросив у лейтенанта пару гранат. Что им руководило, для Яна оставалось загадкой, да и соседи по траншее тоже не могли понять. Воевать – дело солдат, какого хрена они, необученные, многие видевшие боевое оружие в первый раз, тут делают? Копать окопы ладно, но идти под пули? И лейтенант даже не дал им стрельнуть, или гранату кинуть. Почувствовать как она в руке, насколько полетит.

– Ох, поляжем мы тут все. – Простонал седой мужик в сером костюме. – Перемолят нас в муку. – Он вздохнул, обмахиваясь сетчатой шляпой. – Ладно я, старый уже, а вас то молодёжь...

– Не ной. – Отозвался Пётр. – Надо же кому-то Родину защищать. Ну, вот мы попали, думаешь, под Мольском сейчас таких как мы нет?

– Где ж она армия-то, мать её? Почему мы тут с этими пукалками сидим. Хоть бы ракетомет один.

– Армия уже двое суток насмерть стоит. Если бы не ребята, восточники уже бы в Баровске были, а то и дальше.

Ян почуял далекий запах выхлопа веспена – тянуло с юга.

– Сержант, – сказал он. – С юга много техники. Приближается.

Тот удивленно посмотрел на Яна.

– Откуда знаешь?

Ян коснулся своего выдающегося носа.

– Запах чую.

– Во блин! – Восхитился Пётр. – Так, тихо всем! Залегли и не рыпаемся, ждём команды. Да хрен ли я вам рассказываю.

Он лёг на дно траншеи и прикрылся термозащитной плёнкой.

– Дышите вниз, – напоследок скомандовал взводный и проворчал. – Даст бог, наколем эти грёбаные сканеры.

Вначале послышался тихий стрёкот разведывательного беспилотника на солнечных батареях. Он шёл в паре километров перед колонной, сканируя местность во всех возможных диапазонах. Электронное око прощупало пустые домики веспенщиков, холодные моторы грузовиков и прошлось по дюнам с прикрытыми брезентом и присыпанными песком траншеями. Люди, накрывшись плёнкой с головой, затаили дыхание. «Битл» сделал круг над посёлком, ещё один, и ушёл вперёд – дальше на север. Теперь настала очередь «Циклопа». Приземистый гусеничный робот выкатил на холм чуть справа от дороги и застыл, направив тарелку на Песчанку. Сухой пустынный ветер донёс до ушей свист и визжание серводвигателей. Циклоп водил глазом – смотря, слушая, просвечивая. Ян различил его запах – горячий металл, графитовая смазка, пластик, силикон и еще чёрт знает что. Циклоп взревел двигателем и пошёл дальше, обходя Песчанку с запада. Он проехал около километра и снова застыл, изучая посёлок с другого ракурса. Это плохо – подумал Ян, эта машина теперь у нас в тылу, и что она может выкинуть одному богу известно. Земля уже мелко дрожала от десятков многотонных машин. Первым шёл восьмиколесный робот-тральщик, с тяжелой тележкой впереди и кучей антенн. ТТХ тральщика лейтенант знал, поэтому баллон с веспеном и закопали так глубоко. Робот замедлил ход, оператор осторожно, словно сам был за рулем, подводил его к первой паре домиков. Вроде всё нормально, тральщик продолжал двигаться вперёд. За ним шли две колесных БМП и два танка, а уж за ними ползли, натужно ворча двигателями, тяжелые грузовики. Лейтенант, стиснув зубы так, что скулы побелели, смотрел на крохотный экран удаленной камеры. Умельцы Косова еще ранним утром переделали её из беспроводной, посадив на длинный кабель. Если бы не этот ход, Битл мигом отловил бы передачу и дал сигнал тревоги. А не он, так Циклоп. А вот закопанную на полметра малютку они прошляпили, и это было хорошо, чертовски хорошо. Так, – подумал Дворжев – надо рвать, танку от глубоко закопанного баллона ни хрена не будет, а вот бэху вполне возможно покорёжит, во всяком случае, гадам на броне мало не покажется. В полутьме наброшенной с головой накидки, он нашёл на пульте взрывателей номер 4, вдавил кнопку и земля пошла ходуном. На месте первой БМП взметнулся фонтан огня, песка и асфальта. Тяжелую машину повалило на бок, черные таблетки колес, разлетелись в разные стороны, и одно из них, описав дугу, врубилось в лобовое стекло грузовика. Колонна остановилась. Со второй бэхи посыпалась горохом пехота, два танка тут же рванули с дороги, расходясь по флангам, и даже Циклоп пришёл в движение, шаря слепым глазом по пустым домам. «Не, ребята, хрен вы угадали, мы пока не высунемся».

Танки долбили по домикам и старым грузовикам, разнося их в мелкие клочья. Пехота выгружалась из грузовиков и занимала круговую, а ополченцы лежали на дне своих траншей и мелко тряслись. Во всяком случае, Ян трясся, и ничего не мог с собой поделать. Жуткий рёв двигателей, грохот взрывов, свист осколков и пуль беспорядочной стрельбы. А самое поганое, что он ничего не видит. Открывай глаза, закрывай глаза – под накидкой разницы нет, приходится представлять происходящее и ждать команды лейтенанта. А вдруг его уже того? Вдруг... Внезапно стрельба прекратилась, в наступившей тишине Ян различил визгливый голос командира восточников. Он уловил его запах – лёгкий цветочный аромат, весь такой из себя утонченный – Танский. Нормально? – Подумал Ян – он в боевом походе туалетной водой пользуется. Вот козёл! Снова послышался стрёкот Битла, возвратившийся беспилотник закружился над остатками Песчанки. Затянутый дымом и пылью раздолбанный посёлок теперь можно было пробить только в инфракрасном диапазоне. А в нём было всё чисто, видать про это и докладывал подбежавший к офицеру солдат. Но хорошо пахнувший «Ли-КакЕгоТам» был не дураком. Раз фугас рванул, так удачно пропустив тральщик, значит, кто-то его подорвал, и этот кто-то, может быть всё ещё рядом. Офицер отдал несколько команд, и пехота разделилась на три группы. Одна пошла к восточной дюне, вторая к западной, а третья, выстроившись цепью, пошла к посёлку. Ну, всё – подумал Дворжев, – везуха кончилась, теперь начнётся мясорубка. Он подпустил цепь бойцов поближе и нажал кнопку 5. Взрыв был направлен вверх, так что особого эффекта не было. Двое танцев исчезли в пламени и пыли, а остальные тут же залегли. Причём все. Оба, затихших было танка, снова заревели двигателями, и левый медленно пополз вперед, грозно поводя стопятидесятимиллиметровым орудием. Пехота вновь поднялась, первые бойцы уже начали карабкаться на пологий склон дюны. Вот! Самое время подкинуть ребятам десяток ГПУ. Дворжев нажал кнопку на пульте, и на вершине одной из веспеновых скважин завывла сирена.

– Давай, братва! – Заревел не хуже сирены Войнов. – Наш выход!

Ян скинул с себя накидку, но подняться на ноги мешал тупой страх. Там ведь танки, куча солдат с автоматами и ещё бог знает что. А у него граната, зажата в трясущейся руке, и еще одна – в набедренном кармане, вместе с пачкой сигарет и газовой зажигалкой. Пётр уже в кого-то стрелял, его карабин выплёвывал синие клочки пламени, он передергивал затвор, досылая очередную пулю и веспен в камеру сгорания, и отчаянно ругался.

– Ян, мать твою! Какого хера? Бросай гранаты!

Пётр схватил его за шиворот, поднял, словно котёнка и поставил на ноги.

– Вой, магнитный якорь тебе в зад! Или хочешь, чтоб косоглазые тебе башку отрезали? У них это коронный номер!

Ян вдруг различил в волнах бьющего в ноздри собственного страха, еще кое-что. Враги излучали особый запах идущей смерти. Они не просто выполняли приказ, они действительно хотели уничтожить всех в этой траншее. Им тоже было страшно, – они ведь люди, но поверх этого страха стелился тонкий аромат готовности убивать. Убивать его – Яна в том числе! Он скинул крышку предохранителя, нажал кнопку взрывателя и швырнул гранату вниз по склону. Грохнул взрыв, Ян присел на секунду, а потом снова вынырнул с гранатой в руке.

– Пошла веселуха. – Проворчал лейтенант на дне своего окопа у въезда в Песчанку, первый и второй взвод уже всюю воевали. Вялые поначалу выстрелы, сменились отчаянной пальбой и взрывами ручных гранат. Как и надеялся Дворжев, вначале поднялись самые безбашенные, а остальным деваться уже было некуда. Вдруг один из танков начал движение – экипаж пытался занять удобную для стрельбы по восточной дюне позицию. Из низины, в которой находилась Песчанка, попасть по вершинам дюн было практически невозможно. А везухато, похоже, не кончилась – прошептал лейтенант. Танк медленно двигался к неприметному кусту песчаного стрельника, который помечал фугас номер 2. Тааак. Давай родной. Еще

чуть-чуть. Дворжев нажал кнопку и под днищем танка распластался огонь. Даже двухсотлитровый баллон веспена не смог вздёрнуть пятидесятитонную махину, но экипажу досталось, – в этом лейтенант был уверен. Когда дым и пыль, наконец, рассеялись, закопченный танк стоял неподвижно, с заглушим двигателем и опущенным стволом. В нескольких метрах от него валялись бесформенной камуфляжной грудой два пехотинца. Экипаж второго танка, благо-разумно заглушил двигатель, решив никуда больше не перемещаться – ну их к дьяволу этих северников.

Цепь всё ближе подходила к посёлку и укрытиям третьего взвода. Пора – решил лейте-нант. – Вводим третий, восточники уже на расстоянии броска гранаты. Он откинул плёнку, поднялся на ноги и закричал.

– Третий взвод, огонь!

Вначале робкие выстрелы, тут же подавляющий ответ танцев, но уже через десять секунд бой закипел в полную силу. Ополченцы бросали гранаты, стреляли, почти не целясь, и сумели таки остановить на время атакующих. Но ненадолго. Регулярная армия, это вам не толпа вче-рашних учителей, инженеров и управленцев. Перегруппировавшись, полтора десятка воору-женных до зубов танцев ворвались в окопы третьего взвода. Все мы тут смертники – подумал лейтенант – это ж было ясно с самого начала. Оперённая пуля снайпера прошла навывлет и, умирая, лейтенант Дворжев увидел, как его ополченцы отчаянно рубятся лопатами в рукопаш-ной. А они думали, я шучу...

Ян взял карабин седого. Первые три выстрела он приноравливался к оружию, – баллон, выполняющий роль приклада жутко лупил в плечо, и только теперь Ян понял, как правильно держать КРВ. Он уже застрелил одного танца, кравшегося по откосу справа, и грохнул вто-рого – водителя грузовика. К этому времени хитрый «Ли-КакЕгоТам» понял, что его отряд попал – он уже потерял БМП, один танк стоял неподвижно, остальная техника боялась сдви-нуться с места. Входящие во вкус партизаны, уже просекли, что выковырять их с двух дюн не просто и вели всё более прицельный, перекрёстный огонь.

– А лейтенант наш – грамотный мужик! – Кричал Пётр, стреляя из карабина. – Смотри, как всё технично продумал, мы с нашими дровами уже полчаса держимся. И ни хера они нам сделать не могут.

– Будь спок, старик. – Отозвался Дед. – Сейчас они минометы достанут, и на этом наш бродячий цирк закончится.

– Если мы им позволим. – Засмеялся Войнов и уложил одного из танцев.

– Эх. Сейчас бы лейтенант с третьим взводом врезал им по тылу.

– Их уже нет, сержант. – Вмешался Ян. – Ни лейтенанта, ни третьего взвода.

– Как нет? – Пётр всматривался, шурясь в отстоящие метров на сто пятьдесят развалины Песчанки.

– Там восточники ходят, добивают наших ножами. Ты что не видишь?

– У меня это... Я вдаль плохо вижу. – Пётр впервые на памяти Яна говорил тихо. – Ножами говоришь? Вот ссуки...

Зажатые между дюн танцы, перегруппировывались. Оставив на склонах около тридцати трупов, они поменяли тактику. Отошли подальше, так что гранатой не докинуть, и стали мето-дично отстреливать высунувшихся ополченцев. Ян присел и огляделся, – в обе стороны тран-шей лежали и полусидели мёртвые. Старик, у которого Ян взял карабин, скрючился на дне, обхватив руками пробитую пулей грудную клетку. Ян присел возле него, пошарил по карма-нам и нащупал последний магазин, Пётр тем временем, подсчитал потери – в строю осталось девять человек.

– Так! – снова гремел он басом. – Они сейчас опять попрут, забирайте у мёртвых гранаты, пули, нечего стесняться.

В траншее началось шевеление.

– Взводный, может, отойти попробуем? Перезарядимся и бегом отсюда.

– Да, ну! Куда ж ты, родной, побежишь?

Засвистела первая мина – все пригнулись, ожидая взрыва, но это был «глаз» – облегчённая камера на большом парашюте. Дорогой беспилотник «Ли-КакЕгоТам» решил побережь – партизаны, завидев его, палили, как сумасшедшие, а дуракам как известно везёт, еще собьют ненароком. Глаз повис над дюнами, и командир минометной батареи быстро ввел в баллистик данные для стрельбы. Раздалось шесть хлопков, и режущий уши свист заставил ополченцев вжаться в землю. Близкие взрывы сотрясли траншею, засохший раствор пошёл трещинами, и тонкие струйки песка устремились на дно словно ручейки.

– Для начала, по нам решили врезать – сказал Войнов. – Ян, ты б накрылся, песку наглотаешься.

Ян встряхнул накидку, и тут в дальнем конце траншеи упала мина. Она разбросала тела, вышвырнула из окопа оторванные конечности и прошлась волной осколков до ближайшего колена.

– Ну, всё. Пристрелялись, сволочи.

Сержант подобрался к Яну и стал подталкивать его к дальнему концу траншеи.

– Давай-ка, парень, двигай к торцу, там больше шансов. Накрывайся.

Войнов усадил Яна в угол и заботливо накрыл плёнкой.

– Я тебя это... Трупам завалю, ты не бойся – так надо. Жди до ночи, понял? Только когда почувешь, что эти суки ушли, вылазь. А до того терпи, понял? Терпи, малый...

Ян почувствовал, как на него навалилось что-то тяжелое, потом ещё. И ещё. Запах крови одурял, сквозь тошнотворный туман он различил последние слова сержанта.

– У меня сын твоих годов, может, его тоже кто прикроет. Вам жить надо, ребята, жить, детей делать.

Войнов сгребал руками песок, присыпая несколько трупов, под которыми схоронился Ян. Потом ушёл, и спустя несколько секунд послышались выстрелы его карабина. А Ян, с трудом воруя рукой, достал тубик с мазью-блокиратором – терпеть уже мочи не было.

Поллитровку воды, запасенной в набедренной кармане, он прикончил даже не заметив. Вся она вышла в пот, который облепил тело противным липким клеем. Организм боролся с адовым пеклом, пытаясь испарением хоть немного снизить температуру, но получалось хреново. Ян лежал в обнимку с КРВ, отстранившись от реальности, впад в забытье далеких грёз. Как давно в детстве, когда прибегал с улицы зарёванный и зарывался с головой в одеяло. Вокруг гремели взрывы, сотрясалась земля, и раскалённый песок струился со змеиным шипением. Казалось, это продолжалось целую вечность, и когда до Яна, наконец, дошло, что обстрел прекратился, он даже не сразу понял; из странной полудрёмы его выдернул надвигающийся запах танцев. Они перекликались своими высокими голосами, слова с изменяющейся тональностью сплетались в чудную визгливую песню, которая прерывалась изредка короткой очередью или контрольным выстрелом. Ян почти перестал дышать, превратился в песок, в камень, в еще один труп, которых было так много вокруг. Один восточник остановился на краю траншеи, песок осыпался из-под его подошв. Он что-то крикнул остальным, то ли приглашал полюбоваться на приятное зрелище, то ли спрашивал совета. Потрошить трупы или уже нет времени – снизу надрылся «Ли-КакЕгоТам». Щёлкнул переводчик огня, танец дал три одиночных и пошёл дальше. Пуля прошла Яну левый бицепс, и горячая кровь поползла липким ручейком по руке. Вот же, мать твою! – выругался про себя Ян. Боли он почти не чувствовал, адреналин гасил её сумасбродной волной, и он больше нервничал, что так и сдохнет тут от потери крови, под

кучей трупов. Просто умрёт, и его скромный счёт к танцам остановится на цифре два. Скорей бы уже гады! Валите отсюда. Валите! Его мантра возымела действие. Почти одновременно завелось несколько движков и колонна начала медленное движение.

Пробыв в Великой пустыне чуть больше недели, Ян всё же успел выучить её запахи. Он знал, как пахнет нагретый песок, как остывающий. В темноте своего склепа, он не мог видеть солнце, но знал – оно уже одной ногой за горизонтом. Слова сержанта он помнил твёрдо, выползать можно только после заката. И старый моряк, чёрт возьми, был прав. Младая торопливая глупость твердила Яну. Да всё! Можно! Восточники свинтили, и надо срочно заняться раной, но зароненные Войновым семена мудрости уже давали всходы. Хренушки! Подожду ещё немного, солнце сядет, тогда и выползу. Почти стемнело, когда неожиданно взвыл мотор пулеметного джипа. Оставленная как раз для таких случаев команда, решила что достаточно, никто тут не выжил и можно гнать вслед колонне на всех газах. Джип выскочил с замаскированной позиции и колеса зашуршали по дороге. До встречи, ублюдки – подумал Ян, – ещё сквитаемся. Он упёрся здоровой рукой в навалившийся труп и, выбравшись из-под накидки, вдохнул прохладный воздух пустыни. Его гиперчувствительный нос уловил странный аромат, ничего подобного он не встречал за всю свою короткую жизнь. Самое подходящее слово было – неземной. Очень тонкий, на грани восприятия – одновременно похожий на металл и цветок. Ян повёл головой, пытаясь определить направление, и тут аромат исчез. Глюк – решил Ян, – после такого дня совершенно неудивительно.

Свой рюкзак он откопал минут через десять. Достал чистую майку и отмахнул складным ножом длинную ленту. Промыл из второй столовской бутылки рану и, помогая зубами, соорудил сносную повязку. Потом опустился на песок на дне траншеи, открыл банку мясных консервов и отломил кусок чёрствого хлеба. Странно, но запахи Яну почти не мешали. То есть плавали где-то на границе сознания – резкие, яркие, но то ли зверский голод давал о себе знать, то ли уже сказывалась привычка – жизнь ведь его никогда особо не жалела. Мать они похоронили, когда ему было девять, и Ян, можно сказать, остался сам по себе. Батя сутками пропадал на своём консервном заводе и все детские, а потом и юношеские проблемы приходилось решать самому. Сразу после начальной школы он окончил бурсу по солнечным генераторам и отец, потрянув своими широкими связями в мире технарей Левореченска, устроил его в «ТОСГ». Контора была не очень крутая. Платили так себе, и за каждую заработанную уер (универсальная единица расчёта) пахать приходилось, будь здоров. Ян глотнул воды, запивая последний кусок хлеба, и вдруг понял, что ему жутко хочется домой. Щека непроизвольно задёргалась, и глаза затянула предательская поволока. Он стиснул зубы и прошептал, утирая выступившую слезу. Вот уж хрен вам! Не дождетесь, суки! Всё это смрадное гадство последних двух дней навалилось на него, вспухло в груди жалостью к себе, к лежащим вокруг истерзанным мёртвым людям и рвалось наружу бессильными детскими слезами. Он остался один. Один-одинёшенек в кольце врагов, в песках Великой пустыни. Все убиты, даже Войнов, который казался Яну настоящим человеком-скалой. Его взгляд упал на карабин – тот мутно поблёскивал сталью в отсвете высоко взобравшегося Ковчега. Рубчатая рукоять просилась в ладонь, толстый воронённый ствол обещал смерть ещё не одному врагу и Ян почувствовал, как слезливый комок в груди превращается в огненный шар. В нём родилась и крепла настоящая ненависть. Он вдруг понял, как это. Ненавидеть врага. До хрипоты, до кровавых сполохов в глазах, так, что готов вцепиться в горло. И не в каком-то там переносном смысле, Ян реально был готов рвать зубами «Ли-КакЕгоТам» и остальных гадов – всех, кто положил его роту. И плевать на обострённое обоняние, запах крови врага он будет пить с наслаждением, как аромат любимых лилий родной реки Левая. Он поднялся на ноги, стряхивая со штанин крошки. Внизу темнели туши заваленной на бок БМП и полумертвого танка. Его восточники, конечно, отремонтируют при

первой возможности, но пару недель эта хрень точно не будет стрелять, а это уже хорошо – это зачёт второй роте. Ян взвесил в руке рюкзак и пробормотал – да пошел он в жопу со своим анализатором. Осторожно спустился с дюны вниз и пошёл в направлении Песчанки. Нужно было пополнить запас воды и поискать боеприпасы.

Водную скважину танковый снаряд уничтожил. Жестяная будка на её месте превратилась в бесформенную грудку, и колонка, – искорёженная и мёртвая не могла дать ни капли воды. Ян покачал головой, достал из рюкзака чемоданчик с дорогими инструментами и прикопал его у подножия колонки. Пускай шеф «ТОСГа» сам откапывает – усмехнулся он, место приметное, найдёт, в случае чего. Ян вынул из кармана планшет и вывел карту Великой пустыни. Южное шоссе ровной линией рассекало жёлтое пятно до самой границы. Он подкрутил масштаб и стали видны крохотные посёлки, вроде Песчанки. Со стороны могло показаться, что Ян тычет пальцем в воздух, но сенсоры чётко отлавливали его движения, крутили карту вправо-влево, приближали, отдаляли, выводили расстояния между точками. С шоссе надо убираться! Прорвавшийся отряд «Ли-КакЕгоТам» был авангардом и в ближайшие часы попрут остальные. Южная граница потеряна, – это точно, следующим на пути танцев станет Баровск – форпост Златогорья – края, куда они так рвутся. Он мысленно поставил себя на место маршала танцев или кто там у них? Если засесть в горах, хрен выковыряешь, и тогда богатая веспеном Великая пустыня, и горы с золотом, ураном и десятком других ценных минералов станут танскими. Весь Южновладский выступ падёт и вся кровь, пролитая северниками за сотни лет, будет напрасной. Он скинул значительно полегчавший рюкзак на плечо и пошёл к траншеям третьего взвода.

Спустя час Ян стоял на северной окраине Песчанки. После поисков в активе было две литровые бутылки с водой, кое-какая еда, одна гэпэушка и двенадцать пуль для карабина. Баллон с веспеном был почти полный, – его хватит на полсотни выстрелов. Раздобыть бы ещё пуль... Он где-то читал, что в Тёмные века народ иногда пытался стрелять подходящими камушками или рублеными гвоздями. Загоняли в ствол пыж и заряд из того, что под рукой, а потом передергивали затвор, пуская в камеру сгорания порцию веспена. Детский сад, конечно, но воспламенённый пьезокристаллом газ выталкивал содержимое со скоростью семьсот метров в секунду, а при таком раскладе даже несчастный окатыш становился проблемой для противника. Прицельность, яшень пень никакая, но метров на двадцать, вполне можно было завалить бойца без броника. Он еще раз сверился с картой, до самого Баровска был лишь один населенный пункт – Шестой посёлок – вотчина веспенщиков, в семи километрах к востоку от шоссе. Там точно была водная скважина, но топать придётся почти тридцать вёрст. Ян попрыгал, чувствуя себя настоящим солдатом, – вроде ничего не звенит. Потом проверил термозащитную накидку под клапаном рюкзака – единственную защиту от инфракрасного сканера беспилотников и пошел на северо-восток. Подальше от шоссе, поближе к дикой пустыне.

Ковчег снова карабкался в зенит. Как правило, он успевал раза три за ночь пересечь небо-свод, зимой даже четыре. В его неверном свете песчаные дюны выгибались тёмными громадами, поблескивая тут и там серебристыми прядями стрельника. Пустынники едят его корни, только их надо как-то там вымачивать, потом сушить, еще чего-то. Возни короче, много. Он шагал по песку, стараясь держать темп, не обращая внимания на вязнущие то и дело пятки и борясь с накатывающей злостью. Идти по чёртовому песку было жутко непривычно. Он вырос совсем в других местах, и эта постоянно съезжающая из под ног зыбь, бесила страшно. Прошло часа два и уставший Ян, наконец, понял свою ошибку. Великая пустыня не пешеходный тротуар, и даже не лесная тропинка. Шаги должны быть размеренными, небольшими, стопу надо утверждать на песке чётко, чуть спрессовывая под ней песчинки, и только потом переносить на неё тяжесть тела. В общем, быстро не получится. Он уловил далёкий запах выхлопа и застыл

на месте, приюхиваясь. Потом рванул вниз по дюне, доставая на ходу накидку. Спустя десять секунд он уже лежал у подножия, накрывшись плёнкой и затаив дыхание. Беспилотник, идущий на аккумуляторах, прострекотал в километре от Яна и полетел дальше на север. Спустя пару минут танские САУ, системы залпового огня и легкие штурмовые танки на воздушной подушке прошли по шоссе. Ян смотрел им вслед в тактический бинокль лейтенанта и думал – прав был Дворжев, в этой истории не то, что пахнет Западным альянсом, прямо таки воняет. У косоглазых никогда не было танков на воздушной подушке, всё, чем они воюют, куплено или спёрто у нас. Сами они, максимум, на что способны – копировать, причем коряво, разработки других. А уж собрать более-менее серьезную штуку никогда не могли. Так что и беспилотники и «свободные охотники» и штурмовые танки, им или продали или дали в кредит западники. И это хреново. С танцами мы бы уж как-нибудь справились, – не впервой, а вот если у них за спиной альянс, придётся повозиться. И народу поляжет уйма. Он даже не допускал мысли, что они могут проиграть эту войну. Нет! Такое даже в страшном сне не приснится. Северная федерация огромная, сильная держава, пускай и ослабленная внутренним бардаком и извечным казнокрадством. Такие люди, как лейтенант Дворжев, Пётр Войнов, – они не допустят, не дадут слить. Ян аккуратно сложил накидку под клапан рюкзака и потопал дальше. Мы им блин устроим Армагеддон! Сейчас наши немного раскачаются, потормозят как всегда, а потом всё будет. И тактические ракеты, и ПВО, – ни одна сволочь не уйдёт и не улетит.

В два часа ночи он сделал привал. Съел одну банку из рюкзака Деда, пожевал сладкую булку, попил воды. Снова сверился с планшетом, но без спутниковой навигации (её танцы заглушили первым делом), когда вокруг один песок, оставалось только гадать, далеко ли шоссе, и сколько он прошёл. Главное, мимо Шестого поселка не проскочить, – подумал Ян. Но эта проблема легко решаема, – заберу немного на запад так чтоб шоссе видеть, и всяко наткнусь на дорогу, ведущую к поселку. Там семь километров, мимо не пройдешь. Он вздохнул, взвесив в руке КРВ. Килограммовый вспененный баллон с округлым затыльником на конце, уравновешивал тяжелый толстый ствол. Затворный механизм, камера сгорания и рукоятка тянули еще грамм на семьсот, ну и плюс магазин. Три с лишним килограмма, и никакого, мать его, ремня, – тащить карабин приходилось в руках. Надо было лейтенанту помолчать про луч наведения, вначале бы загрузились, как положено, а потом уже обрадовали прапорщика. Тогда бы у второй роты были и разгрузки с кучей карманов, и положенные к карабинам ремни, и фляги, и может даже пару ПТР, на всякий случай. Эх – вздохнул Ян, поднимаясь – тогда бы повоевали. Пустыня пахла вселенским спокойствием, прохладный ветерок змеился по дюнам песчаными дорожками, играл стеблями стрельника и гнал по гребням легкие шары катума. Ян бросил взгляд вверх – на чёрный купол с мириадами колючих звёзд и потопал на север. До рассвета может, и дойду – думал он.

Солнце ещё таилось за горизонтом и пока выдавало себя лишь серой предрассветной поволокой. Ян упорно шёл, сжимая в руках оружие, и думал о воде. Её в рюкзаке осталось чуть больше литра, и если он не придёт до начала жары в посёлок, придется искать укрытие и растягивать оставшийся запас на целый день. Несмотря на всякие там приборы ночного видения, сканеры и прочую хурду-мурду, люди по прежнему чаще воевали днём. А что ты хотел, люди не ночные животные, ПНВ там или нет, смотреть своими глазами сподручнее, и угол обзора шире и периферийное зрение работает. Внезапно Ян различил звук вертушки. Он мигом скатился с гребня, выдернул из рюкзака накидку и принялся разгребать руками песок. Как он не торопился, – не успел, вертолет промчался в какой-нибудь сотне метров, потом вдруг начал резко набирать высоту, развернулся и закружил на месте, словно пилот решил исполнить замысловатый пируэт. Наши! – мелькнуло в голове у Яна. Меня что ли заметили? Соосная транспортная тридцатка с широкими лыжами вела себя странно. То покачивалась на месте,

то отвесно пикировала, то снова пыталась забраться повыше. Причина стала ясна, когда Ян достал бинокль и навел его на вертолёт. Его корпус был пробит в нескольких местах, остекление зияло рваными дырами, и было странно, как он вообще держится в воздухе. Два фэйтера восточников пронесли мимо вертушки, огибая её с двух сторон. Потом заложили встречные виражи, и будто насмехаясь, прошли над самой тридцаткой. Потoki выхлопа ударили по вертолету, он сорвался в краткое падение, но натужно ревя движками, всё же выровнялся. Истребители снова развернулись и, сбросив скорость, выпустили закрылки. Танские пилоты, соревнуясь в меткости дали по короткой очереди, и бронебойные снаряды прошили дюралевый корпус. Как в тире расстреливают гады! Ян сжал бинокль так, что побелели костяшки пальцев. А танцам, похоже, надоело играть в кошки-мышки. Они отошли подальше, сделали боевой разворот и один истребитель выпустил ракету. Ян впервые видел воздушный бой, хотя какой там бой, настоящее издевательство – два истребителя против беззащитной транспортной вертушки. Ракета прошила серое небо дымным росчерком и воткнулась в корму тридцатки. Движки разом захлебнулись, в наступившей вдруг тишине стал слышен свист винтов, и плавающий вертолет провалился вниз. Яну уже было плевать, заметят его или нет. Он сунул плёнку в рюкзак, подхватил КРВ и побежал в направлении падающей вертушки.

Сразу после пуска ракеты, фэйтеры ушли. Даже не стали проверять результат, для них и так всё было ясно. Ян бежал по вязкому песку, рюкзак колотил его по спине, карабин тянул вперёд и вниз, но он нёсся как угорелый, лелея тень надежды, молил о чуде и, наконец, прибежал. Тридцатка лежала на боку, привалившись бортом к склону, и пылила белым облаком системы пожаротушения. Вот! – Подумал Ян. Умеют же наши делать, когда хотят. Возле вертолета металась две тёмные фигурки. Как минимум двое выживших! Уже хорошо. Ян отдышавшись, пошёл к вертолету. Он читал про Кам-30 – неказистую с виду рабочую лошадку ВВС федерации. Выносливые движки, дублированное управление, аварийная авторотация, система пожаротушения и сотовая структура в днище, смягчающая удар при падении. Эту лошадь завалить было не просто, не зря танцы потратили на неё столько боезапаса. Он подошел уже на сотню метров и его заметили, одна фигура потянулась к набедренной кобуре, но тут же опустила руку. Одинокий партизан в гражданской мешковатой одежде, без головного убора и с древним КРВ в руках. Сто пудов не танец – свой. Пилоты снова засуетились у машины, что-то волокли из салона, били струями ручных огнетушителей. Ян подошел ближе, раздумывая, что надо сказать. Он ведь теперь вроде военнослужащий, пускай и ополченец, но обычное – «здоров, мужики» тут явно не катит. Он пытался выудить из памяти знаки различия из школьного курса военки.

– Ты чё тащишься как вошь на гребешке! – Заорал лётчик в зелёном комбинезоне. – Шевели поршнями, видишь, помощь нужна!

Ян ускорился. Теперь он видел, что вертолётчики вытаскивают из оплавленного салона тела. В массе своей, это были погибшие солдаты, но когда ряд тел у вертолёта перевалил за двадцатку, Ян насчитал четверо гражданских. Все они были в бинтах, и ему стало ясно, что вертолёт перевозил раненых.

– Понял, да? – Спросил тот, который пониже, с опалёнными усами. – Они по нам как в тире, от самого Южного форпоста. – Он сплюнул и достал сигарету. – Огонь есть?

Ян протянул пилоту зажигалку.

– Сам-то кто будешь?

Ян выпятил грудь и гаркнул.

– Вторая рота, первый взвод Баровского ополчения.

К ним подошёл командир экипажа. Его как-то сразу было видно, – молчаливый, хмурый мужик с этакой сталью в глазах.

– И где рота?

Ян отвёл взгляд.

– Рота вся полегла. У Песчанки. Я один остался.

Командир прищурился.

– Вы что ли танк и БМП пожгли?

– Так точно. Мы.

– И чем? – попробовал подловить Яна вертолетчик.

– Баллоны с веспеном.

Пилоты переглянулись.

– И сколько вас... – Командир сменил тон. – Сколько вас было, сынок?

– Шестьдесят пять. – Ян замялся. – Извините. Я это... Знаков различия не знаю...

– Вот так, Старый, они даже знаков различия не знают, а им оружие дают.

Усатый вскинулся.

– Перед тобой, боец, целый полковник ВВС, командир двадцатого авиаполка. Усёк?

Ян кивнул. Ему на самом деле было пофигу, полковник там, генерал. Какого хрена тогда ему, простому технарю воевать приходится! Мысли завертелись в бушующем вихре, и он пошёл в ответку.

– Скажите, товарищ полковник, а как так получилось, что армия хер знает где, адохнуть нам – тупым гражданским приходится?

Усатый заскрежетал зубами и потянулся к кобуре, а полковник нахмурился задумчиво и вдруг грустно усмехнулся.

– Я вам, гражданин федерации потом на этот вопрос отвечу. Ладно? А сейчас надо людей похоронить и драпать отсюда подальше, пока каратели восточников не пришли.

Неглубокую братскую могилу они выкопали часа за полтора. В ход пошла единственная лопата и куски дюрала. Потом постояли молча у подножия дюны, полковник крикнул с досадой и сказал.

– Пошли, мужики, чего уж там. Сделали, что смогли, теперь бы по квитаться.

И взяв из бронекabiны два коротыша, они пошли по низинке на север

Уставший за ночь Ян еле попевал за летунами. Те, несмотря на возраст, пёрли по пустыне как танки, изредка матерясь и отплеиваясь. Пока копали могилу, вертолетчики представились по-человечески безо всяких там званий и должностей, просто Иван Гордеев и Сергей Стариков, а точнее – Старый. Именно так, – Старый, звал командир второго пилота. Яну он годился в отцы, как и Гордеев, и называть так усатого дядьку с ухватистыми граблями язык не поворачивался. Полковник правильно просчитал Яна, – пугать и строить его бесполезно. Пацан уже нюхнул пороху, даже кровь пролил за Родину, – вон повязка на плече, так что приказывать обозлённому ополченцу и выделываться не надо, не та ситуация. Пошлёт на хер и уйдет с единственной бутылкой воды. А её у вертолетчиков не было. Совсем. Вот и шли, изредка перекидываясь словом, да поглядывая на Яна, который сверялся с планшетом, вскидывал каждые минут двадцать бинокль и что-то тихо бормотал.

– Давай, пехота, выводи. – Ухмылялся Старый. – Мы ж тут на земле как дети малые.

Они с Гордеевым, кажется, даже немного забавлялись, что ведет их двадцатилетний пацан. Их – целого полковника и майора, но пока всё было правильно, игру не прерывали. Тут Ян внезапно остановился, ветер донёс до него обрывки запахов жилья. Жесть, пластик, машинное масло и прочее не свойственное бескрайним пескам.

– Посёлок близко. – Закрутился на месте Ян, выхватывая из потока направление. – Туда. – Махнул он рукой.

Пилоты переглянулись.

– Это что было-то сейчас? Ритуальный танец?

У меня гиперчувствительность – коснулся Ян своего носа, – запахи чую, как собака. Полковник Гордеев покачал головой, – хорошая особенность. На войне явно не лишняя. Ян кивнул, умалчивая о побочных эффектах, не объяснять же, как шибает в нос запах крови или горелой человеческой плоти. Через десять минут он безошибочно вывел маленький отряд на окраину Шестого поселка. Они залегли на гребне высокой дюны и, передавая друг другу бинокль Дворжева, принялись изучать полдюжины домиков.

Шестой посёлок был пуст – ни одного человека. Всё вымерло, словно и не было тут никогда людей. Ветер гнал меж домов шары катума, строил песчаные барханы на опустевшей бесхозной дороге, скрипел защитными деревянными ставнями.

– Вода тут точно есть? – Спросил Старый.

– Ну, если веспенщики живут, наверное. Не возят же из Баровска за семьдесят вёрст. – Отозвался Ян, разглядывая в бинокль ажурные башни веспеновых скважин. Водную пока не видно, но она в поселке, – сто процентов. Он разглядел за одним из домиков жестяную будку похожую на такую же в Песчанке.

– Вон она. – Сказал он. – За столовкой!

Гордеев забрал у него бинокль.

– Вижу. Ну что, товарищи? Рискнем?

Риск действительно был. Солнце уже поднялось, и авиация восточников то и дело пролетала вдоль шоссе. Не факт что они поведутся на три одинокие фигуры, но кто знает?

– Быстро! Короткими перебежками! – Скомандовал Гордеев, и они понеслись вперед, падая через каждые двадцать-тридцать метров, и изображая из себя «незаметные» холмики.

Уходя, газовики расхерачили кувалдой блок управления солнцегенератора, так что все скважины Шестого поселка, в том числе водная стояли без питания. Мысль, конечно, была правильная – не облегчать жизнь врагу. Вот только об отступающих своих, ребята как то не подумали. Ян чесал репу, пытаясь придумать, как восстановить управление и запитать хотя бы погружной насос водянки, но ничего путного в голову не приходило. Как ни крути, кувалда и электроника плохое сочетание. Вертолетчики лежали возле генераторной, пася опасные сектора, и поглядывали, ругаясь, на входящее в полную силу солнце.

– Ну чё там? – Дёргался Старый.

Ян облизал высохшие губы.

– Плохо дело. Пойду на склад гляну, может запчасти какие есть.

– Перебежками – напомнил полковник.

Ян метнулся на двадцать метров до склада. Так, что тут у нас? Изгвазданные в масле стеллажи вдоль стен, пыльное окошко под потолком. Ян рылся в старых железках, бормотал себе под нос технические термины и наконец, нашёл. Под самым потолком, в самом дальнем углу – двадцатикилограммовый чемодан с портативным солнечником. Старше Яна как минимум раза в два, но вполне себе перспективный, кое-что подкрутить, кое-что смазать, не факт, что заведётся в полную силу, но попробовать стоит.

Он провозился с генератором часа четыре. Солнце уже было в самом зените, от жары гудела голова, и жалкие три глотка в час явно не спасали. Воды осталось меньше пол-литра, и полковник ввёл жёсткую водную дисциплину. А с ним никто и не спорил, и Ян и Старый понимали, тянуть остатки придется, возможно, ещё долго. Ян сидел на крыльце склада, обложившись ключами и щурясь от яркого солнца. Внутри была настоящая парилка, и выдержать там даже пятнадцать минут было нереально. Без электричества и соответственно без воздушных охладителей жилые и рабочие боксы Шестого поселка превратились в полноценные духовки. И тени они тоже не давали, солнце лупило почти отвесно, и спрятаться от него было

негде. Ян вертел старинный агрегат и так и эдак, разобрал и собрал уже два раза, но турбина по-прежнему молчала. Он поднял глаза и наткнулся на два неотрывных взгляда, следящих за его движениями. Давай, парень! Беззвучно говорили эти взгляды. Ты должен справиться! Просто обязан! Без воды мы подохнем в этом пятидесятиградусном пекле к вечеру. Ну, может, дотянем до завтра. Но завтра точно умрем. Ни за грош, бесполезно и жалко. Он опустил гудящую голову, провёл сухим языком по растрескавшимся губам и попытался сосредоточиться. Клапан? Или подшипнику хана? Хотелось взять ключ на двадцать четыре и врезать по упрямой железяке, так чтоб в брызги, в лепёшку. Но тогда всё. Останется лечь на обжигающий песок и склеить ласты, испустить дух, сыграть в ящик и, что там еще?... Ян снова проверил заново отполированный рефлектор. Так, пятно отличное, вон температурный датчик – на восемьсот. Вал я смазал, свежий «сироп», то бишь, рабочее тело залил, что ещё? Что ещё этому долбанному куску дерьма надо? Он всё-таки взял ключ на двадцать четыре, но не влупил со всей дури, а легонько постучал по корпусу турбины. Чем чёрт не шутит, может, легкий перекося? Шипение перегретого пара на миг сменило тональность. Вроде крутанулась чуток? – Ян снова легонько постучал по корпусу. Ну! Давай родная, мы ж тут сдохнем без тебя! Давай, а? Турбина с натужным скрежетом сделал пару оборотов, и вдруг засвистела. Да как засвистела! Вертолетчики вскочили на ноги, и только что в пляс не пустились. На их лицах явственно читалось – Ё моё! Будет вода! Будет! Значит, поживем ещё! Полетаем! Даст бог и повоюем! Ян проверил показания датчиков – не много, конечно, ЭЦН с таким напряжением не завести, но кондёры набьем, я как раз на складе батарею видел. Зарядим конденсаторы, мост я сейчас соберу побыстрому, – крутанем насос, пускай на несколько секунд, но крутанем.

На всякий случай горлышки у бутылок срезали. «Ни капли мимо» – это на данный момент было прям настоящим девизом.

– Готовы?

Вертолетчики с двумя огрызками бутылок и алюминиевой канистрой синхронно кивнули. Ян щёлкнул тумблером и где-то в глубине подсаженного водного пласта загудел центробежный насос. Отводной кран зашипел воздухом, потом забулькал и вот она – благословенная, живительная, дороже всякого золота, вода! Канистру притащили зря. Впрочем, Ян предупредил, дай бог, чтоб ЭЦН за считанные секунды выплюнул на поверхность хотя бы литр. А получилось даже чуть меньше. Но это была свежая вода! Прохладная, жутко вкусная – сама жизнь! Портативный солнечник исправно свистел турбиной, гнал электричество в собранную на живую нитку конденсаторную батарею и самое большее через час у них будет еще литр, а к закату еще два. В общем, жизнь налаживалась, и отряд потерявший боеспособность, возродился к жизни. В глазах вертолетчиков снова появились искорки, и Ян тоже прикидывал, как бы половчее вогнать пулю в подвернувшегося восточника. Вот только с оружием был полный швах. Старый карабин, и два укороченных автомата. А, ну, да. Ещё граната ГПУ-25 – граната противопехотная, универсальная, – разлет осколков двадцать пять метров. Универсальная, имелось в виду, что взрыватель ставь, как хочешь, на удар или на полчаса.

К вечеру, когда палящее солнце сменило гнев на милость, воины федерации ожили – пошли разговоры, Ян со Старым взялись за сигареты. Офицеры вдруг вспомнили про боевую дисциплину и Яна загнали на пост – остывшую после зноя крышу столовой, в которой теперь была база крохотного отряда. Всё полезное из столовки было вывезено, остались только пластиковые столы со стульями на алюминиевых ножках да индукционные плиты, на которых всё равно нечего было готовить. Да и «раскачать» их портативный солнечник был не в состоянии – не та мощность. Ян лежал на плоской тёплой крыше и прикидывал, что делать дальше. Странное дело, под ним квасят целый полковник с майором, а думать приходится ему. Старый хрипло засмеялся скабрезной шутке командира и позвал Яна.

– Ладно, слазь, партизан. Ветер утих, теперь если кто будет ехать – услышим.

Ян вернулся в столовку и достал из рюкзака последнюю банку консервов и кусок хлеба.

– О, закусон! – Старый поднял заветную фляжку, которую прятал до поры во внутреннем кармане и кивнул Яну.

– Пять капель? – Ян отрицательно мотнул головой, он алкоголь не пил (в отличие от автора :-)

– Ну, как знаешь. нарежь хлебушка, пожалуйста.

Ян вынул нож из чехла на поясе и распластал краюху на три толстых шмата. А чего валандаться, не в ресторане же. Банка мясных консервов с хлебом, под можеловую настойку ушла за пару минут. Раздобревший майор достал мятую сигарету, глянул на поморщившегося Гордеева, и подмигнул Яну. – Покурим? Тот встал, и они вышли на свежий воздух. В тёмно-синей вышине шли на север, оставляя инверсионный след, два бомбера восточников. Их Старый высчитал сразу, – Б-12, четырёхмоторные. Он сплюнул. Ишь, прут как у себя дома. Он, тяжело качнувшись, сел на ступеньки. Слили нас, малой. Подставили как щенят! Ты думаешь чё мы с полковником на сраной тридцатке драпали? Старый поморщился от неприятных воспоминаний. А потому что у нас в полку единственная вертушка на ходу осталась. Все, мать их, на техобслуживании. Гордеев вон – Старый кивнул в сторону тёмного зала – спорит, говорит, просто совпало. А я на своём стою! Не бывает таких совпадений. У зенитчиков вся электроника на профилактике, у истребителей горючку не завезли, у танкистов прицелы в Поморске на поверке. А самое главное – майор со злостью ткнул бычок в ступень – целых две дивизии в центр вывели. Это как думаешь, совпадение? Ян пожал плечами. Он политикой не интересовался – своих хлопот полон рот, и голограф смотреть особо некогда, в конце концов, им там наверху виднее. Они вернулись в столовую и сели на истёртые пластиковые седушки. Гордеев склонился к Яну и спросил – и что? Вы согласны с майором? Ян даже немного подрастерялся, – какое полковнику дело до мнения какого-то сопляка, он что, всерьёз спрашивает?

– Да говорю тебе, бросили нас, командир! – Встрял Старый.

Гордеев вдруг грохнул пьяно кулаком по столу.

– Мы присягу давали, майор, – прошипел он. – Помнишь?

Полковник вперил взгляд в Яна.

– Ну? Что думаешь? Представитель народа, так сказать. Подай голос...

– Ну, странно это. Танцы ведь давно на эти земли зарятся. По идее тут наших войск должна быть уйма – только сунутся сразу по морде...

Майор довольно засопел, а Гордеев сложил ногу на ногу и сказал совершенно спокойным голосом.

– Дайте сигарету что ли, сволочи.

Ян протянул свою мятую пачку, и полковник неумело прикурил. Видно было, что курит он нечасто, в очень уж нервных случаях.

– Тебе как в последнее время живётся, сынок?

Ян задумался. Тут полковник прав – в самую точку попал. Жилось и, правда, в последнее время как-то не очень, зарплаты еле хватало, чтоб свести концы с концами. И он ведь один, как семейные выгребают вообще загадка. Цены росли не по дням. Вчера хлеб пять уер, сегодня уже семь, а завтра и все десять. Что-то творилось на просторах необъятной Родины, какая-то очень нездоровая херня. Кто был виноват, и что делать, как всегда никто не знал. Но то, что лодку раскачивают, было видно невооруженным глазом. Из Тёмных веков Северная федерация вышла с изрядно разросшейся территорией. То, что на огромной площади царил голод и разруха, дело десятое, главное – всем борзым агрессорам хорошенько дали по мозгам, а вечно колеблющиеся «союзнички» сами приползли под широкое крыло. А потом страна замкнулась сама на себя. Сейчас это называли «махровым изоляционизмом» и хаяли почём зря. Какие-то молодые ребята с холёными мордами, талдычили по голографу про потоки инве-

стиций, интеграцию в мировое сообщество и прочую лажу, а народ видел одно – жить стало хуже. Раньше бизнес пускали только в пищевую и лёгкую промышленность, да давали щипать по мелкому от серьёзных отраслей. А теперь добыча веспена, огромные энергостанции, транс-континентальные магистрали и даже авиаперевозки оказались в руках каких-то резких, ушлых ребят. Иногда было даже непонятно, кому же принадлежит задрывшая цены энергокомпания – то ли свои оборзели, то ли команда пришла из-за границы. Яну с его средним техническим трудно было разобраться во всём этом бардаке, но он нутром чуял – неладно чё-то в Датском королевстве. Гордеев терпеливо ждал, пока Ян перетрёт в себе и выдаст на поверхность ответ. Но Ян лишь красноречиво пожал плечами. Чего уж тут. Всем всё ясно, обсосали уже на кухнях и не по разу. Полковник понимающе кивнул и медленно сказал, и Яну и майору и, наверное, в первую очередь себе.

– Время такое пришло, мужики. Мутное. Правила игры изменились, и никто теперь широким фронтом не прёт, как раньше. Будут по кусочку откусывать. Спокойно, не торопясь, грамотно подготовив почву.

Он посмотрел в окно, потом затушил окурок в банке.

– Я тут покумекал, выстроил, так сказать, цепочку. А ведь горючку истребителям должна была одна фирма-посредник завезти. Как она затесалась, ума не приложу, и кто знает, кто там реальный хозяин. Прав ты, Старый. Ни хера это не совпадение, отработали ребята на пять. – Гордеев вздохнул горестно.

– И что теперь делать? – Подал голос Ян.

– Воевать, чего ж ещё-то? – Удивился полковник. – Впервые что ли, с голыми руками на танки идём. Знаешь, сколько раз это в нашей истории было? Даже на Старой Земле ещё.

Остывший воздух донёс далёкие запахи Южного шоссе – выхлопы газа, нагретый металл, масло. Звук грохочущих по асфальту машин доходил еле-еле, скорей угадывался, чем был. А вот запах Ян чуял прекрасно, в чем-то полковник был прав, острый нюх на войне совсем не лишний.

Ян завернулся в накидку и завалился спать на крыше. Гордеев и Старый не возражали, – хочет спать на крыше – флаг ему в руки. Перед отбоем они минут десять рядились кому взять первую дозорную смену, но Ян их обоих успокоил.

– Я, в случае чего, метров за пятьсот танцев почую и проснусь.

Не дергайтесь, товарищи офицеры, ложитесь дрыхнуть спокойно, тем более после настойки вон глаза слипаются – думал он, любуясь чёрным бархатом неба. Насколько всё-таки эти шишки отличаются от того же Дворжева. Тот бы не стал пить, и уж точно никому бы не позволил, и охрану обязательно бы выставил. Ладно – он сам перед собой заступился за вертолётчиков – они просто еще не въехали, не отошли от штабной жизни. Да и не их это дело ползать по песку и шмалеть из автомата, для этого есть другие ребята, помоложе и попроще, – вроде меня. Он вздохнул, – вот же гадство! Такое небо красивое, такие звезды, Ковчег вон ввысь карабкается и такие мысли. Ян накрылся с головой, оставив снаружи только свой выдающийся, надёжный шнобель.

Гусеничную МЗРК «Таийанг» Ян унюхал за пару километров. Растормошив вертолётчиков, он отметил, что старые вояки, не задавая лишних вопросов, первым делом взялись за стволы, и только потом окончательно проснулись. Все трое, они затаились у широкого окна прикрытого противопопыльными ставнями. Рёв движка мобильного зенитно-ракетного комплекса бил по ушам в рассветной тишине, не предвещая абсолютно ничего хорошего. Полковник красноречиво покосился на заднюю дверь столовой и сказал.

– Не вздумай бежать, драпать будем только по моей команде. Посмотрим, чего им тут понадобилось.

«Тайянг» на полном ходу вылетел на невысокий холм и, сбавив скорость, медленно пополз по дороге. Помимо четырех зенитных ракет, на башне был крупнокалиберный пулемёт, как раз для таких вот случаев. Машина лязгала траками по асфальту, вертела турелью, шаря стволом по пустым боксам и наконец, остановилась почти перед самой столовкой. Скрипнул верхний люк и наводчик-оператор спрыгнул на землю. В руках он сжимал кургузый автомат и, постоянно оглядываясь на машину, побежал к жилому боксу напротив. Оставшийся в башне командир развернул турель и навел ствол тяжёлого пулемета на хлипкое строение – типа не ссы, боец, я прикрываю. Танец нырнул в бокс и спустя пять секунд, побежал к следующему. – За раздачу – зашипел полковник – быстро! Они на четвереньках поползли к длинной стойке раздачи пищи. Только успели нырнуть, как скрипнула дверь столовой. Восточник остановился на пороге, и его неясная тень отпечаталась на стене напротив. Ёшкин кот! – подумал Ян. Как хорошо, что мы вчера убрали за собой! Он лихорадочно соображал, не оставили ли чего на полу, и тут вдруг понял, зачем танцы припёрлись в Шестой посёлок. От зээркашника разило перегаром так, что лошадь можно свалить. Водички захотелось – злорадно ухмыльнулся Ян. – Стандартный-то запас, поди весь вылакали. А водички тютю, нет солнышка, – нет водички, она вся в рюкзаке, а рюкзак на крыше. Танец что-то прокричал на своём и побежал дальше, троика опять перебазировалась к окну.

– Воду ищут – тихо сказал Старый. – Сушняк у них зверский.

Лязгнул второй люк и командир с канистрой и автоматом в руках тяжело сполз на землю. Он что-то сказал высунувшему башку мехводу, и медленно побрёл к найденной наводчиком будке с водяной. Гордеев мягко потянул рукоятку затвора и дослал пулю, при этом он посмотрел на Яна.

– У тебя ведь есть граната? – Ян кивнул – Те двое твои. Водилу мы со Старым сделаем. Ян тихо скользнул к задней двери.

План полковника был хорош – и то, что первую скрипку играть Яну тоже было правильно. Он моложе, быстрее и если те двое вдруг и успеют среагировать – ну что ж, одним ополченцем меньше, невелика потеря. Сердце колотилось в районе горла, а он крался к будке, открытая дверь которой, смотрела на фыркающий холостыми оборотами «Тайянг». Вертолетчики ждали его хода, – убрать надо всех троих, и желательно одновременно, чтоб никто не вякнул в эфир, не успел даже пикнуть. Ян сжимал в правой руке гранату, взведённую на удар, левую руку оттягивал карабин. Простреленное плечо немного побаливало, но он загнал эту боль поглубже, сейчас не время думать о таких пустяках. Двое танцев возились со скважиной, они дергали тумблер насоса, переговаривались своими высокими голосами – командир явно психовал. Высосанная вчера конденсаторная батарея стояла мёртвым грузом, рефлектор солнечника серел мутным пятном, короче, электричество всё – кончилось. Ян подался чуть левее – вот теперь точно попаду. Он размахнулся, швырнул гранату в дверной проём и тут же откатился в сторону. Взрыв тряхнул маленькую будку, вывернул изрешечённые осколками листы жести, взметнул круговую волну песка. Раздались две короткие очереди, машина вдруг взревела двигателем, и пошла вперед, круша жилой бокс, перемалывая гусеницами композит и оконные стекла. Ё моё! Не попали что ли? – Ужаснулся Ян. Он же нас в песок втопчет, ему и пулемёт не нужен, раскатает весь посёлок нахрен, куда прятаться то! Внезапно звук двигателя стих и стала слышна перебранка офицеров.

– Я тебе говорил, выше бери. Тогда бы в самый раз, прям в лобешник.

– Да это ты мазанул! Моя чётко легла.

– Да ладно уже, Старый, всё, успокойся, скопытился он.

Ян облегло вздохнул – Нормально всё. Просто водила, перед тем как концы отдать рванул рычаг там какой-нибудь – вот и пошла машина. А теперь заглохла, так что порядок полный. Он заглянул в дырявую, как решето будку – на дне валялись какие-то окровавленные

лохмотья, и вглядываться внимательнее не хотелось – не привык он ещё к таким видам. Он поискал глазами оружие. В одном углу лежал непригодный автомат с погнутым стволом, в другом нож с треснувшей рукояткой. Да и чёрт с вами – решил Ян – неохота мне в этой кровавой каше ковыряться. Он вернулся к столовой и забрал свой рюкзак. Старый уже выволок труп механика-водителя и вывел МЗРК на дорогу.

Ян с трудом натянул на голову малоразмерный танский шлемофон и услышал голос Гордеева.

– Ничего там пока не трогай, ладно? – Он перегнулся через Яна и пощёлкал тумблерами. – Вот прицел пулемета, тут «чебурашка», вот так турель крутишь, так приближаешь. Это твоё, к остальному не лезь. Стрелять только по моей команде.

Голос полковника был радостно-возбужденный и он с трудом сдерживал улыбку.

– А откуда вы знаете... – Ян разглядывал приборную панель, пестрящую иероглифами.

– Так это же наша Искра только с кондиционером. Ты что же думаешь, мы с нашими пэвэошниками ни разу не пили?

– Старый, давай трогай полегоньку.

«Таийанг» резко дёрнулся, качнулся и пошёл по дороге, клацая гусьянками.

Спустя десять минут они пристроились в хвост танской колонне идущей по шоссе на Баровск. В облаке пыли и выхлопных газов на лишнюю ЗРК никто не обратил внимания, и они спокойно ехали, соблюдая дистанцию и переговариваясь по внутренней связи.

– Это шанс, мужики! Как любят говорить наши западные «коллеги» – джек-пот. Такое на войне выпадает не часто. – Сказал Гордеев и ухмыльнулся. – Сейчас на передовой порезвимся, главное цель хорошую найти.

– Согласен, командир. – Отозвался Старый. – Отстреляемся и на всех парах к нашим.

– Точно. Ну-ка, Ян, дай свой волшебный ножичек, я тут панель управления немного модифицирую.

Ян вынул из чехла свой «мультитул» и протянул Гордееву, потом прильнул к прицелу – в перекрестье маячил зад впередиидущего грузовика с боеприпасами. Командир коснулся его плеча.

– Не налегай так, спокойно. Когда будешь стрелять, режь короткими очередями. Вначале пристрелочную – по трассеру посмотрел, как пошла, и вмазал от души. Понял?

– Ага.

– Когда на позицию встанем, я буду ракетами занят, так что верти турель на все триста шестьдесят и смотри, что вокруг делается. Только какая-нибудь падла ПТР с плеча сняла, сразу вали, не раздумывая.

Ян закусил губу – насколько, чёрт, всё сложнее и ответственнее. В траншее отвечаешь сам за себя, а тут лажанулся и весь экипаж погиб. Вдруг он улыбнулся – зато и делов с этой лайбой натворить можно куда серьезней.

– Командир, колонна налево сворачивает, чё делать? – Спросил Старый.

– Прямо дуй, до Баровска еще пятнадцать вёрст.

Ян покрутил прицел и увидел, что безжизненная до того пустыня забита техникой, людьми и палаточными городками. Вот слева надувные ремонтные боксы мехпарка, справа полевой госпиталь, – суета там, будь здоров, значит, бьются наши, дают гадам прикурить. По шоссе идёт колонна пехоты, за дюной прячется гаубичная батарея. Стволы задраны вверх и плюются огнем так, что даже через броню пробирает.

Гордеев пощёлкал тумблерами и завертел башней.

– Старый, давай ещё вперед, тут достойных целей нет.

– Смотри, командир, похоже, начальство местное.

К машине бежал, размахивая руками танский офицер, и дураку ясно – требует остановиться.

– Давить его что ли? – Меланхолично спросил Старый.

– Ну, дави! Хрен ли он тут бегаёт. – Хохотнул Гордеев. – Ого, целый подполковник был. Машина резко набрала скорость и, свернув с шоссе, помчалась по песку, оставив позади мокрое пятно и шлейф пыли.

– На дюну справа, Старый, – хорошее место.

«Тайинг» взревел двигателем и стал взбираться по отлогому склону, в этот момент на радаре показались две точки. Полковник сосредоточено изучал параметры целей, потом вывел на дисплей оптическое изображение.

– Старый! – закричал он. – Два икса прут, представляешь? – Он защелкал тумблерами и кнопками, башня дрогнула и повернулась навстречу самолетам. – Нет, ребята, это не джек-пот – это просто праздник какой-то!

Машина взобралась на вершину и остановилась.

– Ну, командир, теперь твой выход. – Сказал Старый и по кабине поплыл запах табачного дыма.

Суперсовременные истребители-бомбардировщики приближались. Ян про них слышал, у ВВС Альянса этих дорогущих самолетов было от силы десятков. И вот два из них здесь, то ли одолженные танцам, то ли проходящие испытания в боевой обстановке. Пилоты, не подозревая об опасности, спокойно шли на высоте одного километра – стоящий на дюне ЗРК опознавался как свой.

– Таак – бормотал Гордеев, – отключаем поисковый, включаем прямой наведения.

Пилоты занервничали, «Тайинг» зачем-то упёр в них луч наведения, а за этим обычно следует пуск ракеты. Но ведь есть блокировка, ракета не пойдет в цель, опознанную как «свой» – это исключено.

– Ага, блокировочку мы уже сняли – Ян понял, для чего полковнику понадобился его multifunctional нож, несколько проводов из раскуроченного пульта были соединены напрямую – это и был тот самый brutальный обход блокировки.

– Я не летаю и вам не дам, – произнёс Гордеев девиз зенитчиков и нажал на кнопку.

Машину качнуло в одну сторону, потом в другую и две ракеты сорвавшись с направляющих, ушли в синее небо.

– И контрольный, так сказать. – Третья ракета взмыла в воздух.

Ян уже поднял прицел и смотрел, как белые хвосты догоняют две серебристые точки. У пилотов было чуть больше двух секунд, и за это время только один успел среагировать правильно. Он плюнул тепловыми обманками, свалил машину в отчаянный вираж, и ракета прошла мимо, зато второй икс вспыхнул ярко-оранжевым облаком, и куча пылающих обломков полетела вперед и вниз. В этот момент третья ракета взорвалась в хвосте уцелевшего. Он задыхался и с трудом выровнявшись, пошёл по плавной дуге домой – к злому начальству, комиссии и тёплой бутылке пива. Если повезёт.

– Всё, Старый, газу! Рвём когти! – Закричал Гордеев, и ЗРК набирая скорость, покатила по склону.

Они вылетели на разбитое снарядами шоссе и помчались на максимальной скорости. По сторонам мелькали грозные тяжёлые танки, лёгкие штурмовые, всякие БМП, БТР, пулеметные джипы, и десятки растерянных солдат. Куда несётся эта взбесившаяся ЗРК? В кого она выпустила ракеты, неужели в наших? Чтоб понять ситуацию, так или иначе, потребовалось несколько секунд. А впереди уже маячили дымы передовой, разбитые танки, сгоревшие БМП, и траншеи танской пехоты. Ян крутил турелью, но не стрелял, – ждал команды полковника.

– Смотри, командир – закричал Старый. – Это ж мобильный штаб!

– Точно! Хорошая цель. – Последняя ракета врезалась в длинный зелёный фургон, прикрытый насыпью и маскировочной сетью. Она не взорвалась, но разорвала штаб на части, а в следующую секунду Ян без команды открыл огонь. Тут ждать нельзя, джип уже навел ракетную спарку «Хелл-Ай», но выстрелить не успел, Ян врезал короткой очередью и прошил легкобронированный джип. Всем вокруг уже стало ясно, что на угнанной ЗРК рвутся домой северники и теперь Ян стрелял почти без остановки. Полковник давал целеуказания и он бил короткими очередями, стараясь не перегреть ствол и камеру сгорания. Вот уже и ничейная земля – изрытая взрывами, политая кровью, нашпигованная пулями и осколками. Старый чуть сбросил скорость, и машина пошла по рытвинам, тяжело раскачиваясь и скрипя. Уже видны окопы наших, Ян видит лица выглядывающих из-за бруствера бойцов. Вдруг дымный след прочёркивает пространство перед машиной, потом еще один. Ё моё! Они что по нам из ПТР садят? Мы ж свои! Свои! Ян только хотел дёрнуть ручку люка и высунуться, чтоб заорать это в голос, как в борт машины врезала противотанковая ракета. Ударило враз по ушам, по глазам, по всему телу, словно засунули в барокамеру и подняли давление сразу так на двадцать атмосфер – очень больно – непередаваемо. Да ещё раскалённый осколок в ногу, но это уже так, краем сознания. Ян скользнул в темноту беспмятства, и только успел подумать – ну, вот и повоевали. Всё. Тушите свет...

Златогорье

Лет до пяти Ян, как и все странные дети, думал, что все так могут. Учуть духи матери за квартал от дома, найти по запаху припрятанные сладости. Как правило, обонятельные образы трансформировались в мозгу в цветовые гаммы. Сознание произвольно подбирало подобающий цвет, и с годами Ян лишь удивлялся, насколько эти цвета правильно стыковались с запахами. Так и жил с калейдоскопом в сознании – чем ярче запахи вокруг, тем ярче цвета.

На этот раз – серый. Воздух реанимационного бокса был совершенно нейтральным. Идеально чистая смесь с тонким привкусом стали баллонов, лишённая всякой индивидуальности. Это было непривычно, и Ян болтался в своём затянувшемся искусственном сне, переживая заново яркие обонятельные воспоминания, иногда думая, что всё-таки умер. Но никто не встречал его у блистающих врат – то ли у апостола Петра была куча других дел, то ли прогулянные уроки богословия таки зачлись ему негативом, да и врата были лишь плодом воображения – ярким образом из старой книги. И вдруг крышка бокса с шипением открылась, и на Яна навалился внешний мир. Он с трудом пошевелил рукой и снял кислородную маску – пахло нагретой электроникой, чистотой и красивой женщиной. Регенерационный гель, медленно обтекая обнажённое тело, уходил в дренажные отверстия, над Яном склонилась голубоглазая женщина в марлевой повязке. То, что она старше его и очень красивая он понял сразу, попросили бы объяснить как – не смог бы. Просто красивые, уверенные в себе женщины горели в его сознании особым огнём, совсем не так как закомплексованные сверстницы.

– Как себя чувствуем, богатырь?

Ян тяжело вздохнул – естественно «богатырь», как же иначе. Другого прозвища реаниматоры и не могли придумать, это ж, мать его, профессиональный юмор! Он вдруг уловил тот странный неземной аромат, который уже встречал в траншее у сгоревшей Песчанки. Я чую его каждый раз, как выбираюсь из объятий смерти. Может это такой выверт подсознания? Сигнал, так сказать. Но аромат пропал спустя секунду, оставил после себя лишь неясный образ недосказанности.

Выползая из реанимационного бокса голым было немножко стрёмно, но красавица в марлевой повязке, похоже, абсолютно не смущалась.

– Встаньте ровно, закройте глаза. Головокружение есть?

– Немного.

Она прощупала пульс, прошлась тонкими длинными пальцами по лимфоузлам.

– Больно?

– Ну, так. Чуть-чуть.

Ян вдруг с ужасом почувствовал, что его главный мужской орган реагирует на прикосновения женщины. Ччёрт! Он пытался удержать свой взбунтовавшийся тестостерон, но было уже поздно, как говаривали древние танские мудрецы, нефритовый стержень устремился в небо. Осматривающая его красавица рассмеялась и откатилась в кресле на «безопасное» расстояние.

– ЭТО вполне можно назвать полным выздоровлением, любая комиссия прямо сейчас отправила бы вас на фронт. – Она стянула с лица повязку, и Ян в тысячный раз убедился – его шнобель не врал. Она была не просто красавицей, от неё исходило ослепительное сияние. Тут он вспомнил про своё идиотское положение – ведь стоял голым, облепленный плёнкой высыхающего регенерационного геля, с глупо торчащим в потолок хером. Женщина почувствовала его неловкость и, загадочно усмехнувшись, отошла в дальний конец палаты, достала из шкафа синюю пижаму.

– В душевой есть чистое полотенце. Смойте гель и оденьтесь.

Старая гостиница «Скарабей», из вестибюля которой Ян начал свой «боевой» путь превратилась в офицерский госпиталь. Ополченцу Нозову тут, яшень пень, было не место, но из подбитого «Таийанга» его вытащили вместе с большими шишками, и парни из санитарного ховера не стали заморачиваться – сдали всех в «Скарабей» не сортируя. Так что залатали Яна по первому разряду – от ран остались небольшие шрамы, да легкое головокружение от контузии. В реанимационном боксе он пробыл тридцать шесть часов, и своими ногами дотопал до палаты, где ругался с санитаром забинтованный майор Стариков. Ему от ПТР досталось меньше всех – ракета попала в правый борт, ближе к корме машины. Прилетела бы в башню – и ни Яну, ни Гордееву госпиталь уже был бы не нужен. А Старому от кумулятивного заряда – легкая контузия, да пару мелких осколков в шею, тем более что старый пройдоха успел-таки перед попаданием открыть люк мехвода и обматерить как следует ребят на передовой. Майор встретил его как родного.

– Едрить кудрить, партизан! Как живой. – Старый потянулся к тумбочке и достал заветную фляжку – она опять волшебным образом была полна. – По пять капель?

Ян покачал головой.

– Не, мне и так хорошо.

Он развалился на койке, лелея в памяти обонятельный и визуальный образ Виктории – врача реанимации – ослепительной красавицы, умницы и просто хорошей, доброй женщины. Она оставила его в госпитале ещё на сорок восемь часов – срок смешной для мирной жизни и такой важный на войне. Это Ян уже понял – двое суток на передовой огромный срок, и прожить его для тупого необученного валенка – чудо. И еще он понял, что в этой кровавой бойне сакральный смысл бытия сводится к траектории фугаса. На пять метров ближе – и ты просто кусок рваной плоти, на пять метров дальше и ты всё ещё дышишь, живёшь надеждой, что следующий снаряд упадёт где-то там, подальше от тебя. Ян вздрогнул – тяжёлый гаубичный снаряд ухнул метрах в пятистах от «Скарабея», взметнул столб песка и пыли.

– А вчера они в километре падали – хмуро отметил Старый. – Сливают что ли наши?

Тут в палату заглянула весёлая санитарка.

– Я не поняла, товарищи офицеры, обедать будем?

Майор, кряхтя, поднялся с койки. – Пойдем что ли, щи похлебаем.

Весь вечер неподалёку от «Скарабея» рвались снаряды. Иногда Яну казалось, что они падают совсем близко – трехслойные оконные стеклопакеты дрожали от близких разрывов и старые фильтры системы кондиционирования не справлялись. В палатах – бывших гостиничных номерах, висела тонкая взвесь пыли, гарь тротила и оплавленного песка. Гордеев всё еще был в реанимационном боксе, Виктория обещала выпустить его завтра, но если танцы еще чуток подвинут гаубичную батарею, то завтра может и не наступить. Майор Стариков – опытный и прагматичный солдат собирал шмотки.

– Твою ж мать! Ну, позорно ведь в пижаме драпать. Где они наши пожитки прячут, как думаешь?

Ян пожал плечами, он десять часов как сам вынырнул из искусственной комы, откуда ему знать? В палату заглянула уже знакомая санитарка с веснушчатым круглым лицом.

– Нозов, на осмотр.

Ян поднялся с койки, оправил пижаму и пошёл вслед за веснушчатой хохотушкой.

– Душ то принял, жеребчик? – Усмехнулась она, когда они вышли в длинный коридор.

Ян растерялся – это она, в каком смысле?

– Давай живее, мальчик, наша Виктория свет Николаевна любит энергичных. – Она указала толстым пальчиком-сарделькой на дверь палаты с номером 21 и засеменила дальше. Ян поглядел ей вслед и как мог энергично постучал в дверь. Она была открыта и от его стука

открылась сама собой, похоже, это были личные покои Виктории. Вместо стандартной госпитальной койки тут сохранилась большая двуспальная кровать, в углу стоял стол, заваленный бумагами и портативный терминал.

– Вы хотели меня осмотреть?

Виктория Николаевна приподняла очки в тонкой оправе и бросила на него мимолетный взгляд.

– Садитесь, ополченец.

Он примостился на краешке стула и, вдохнув будоражащий аромат Виктории, сжал кулаки до хруста. Как Ян ни старался смотреть в темное окно, бороться с собой было выше его сил – взгляд помимо воли упирался в декольте напротив. Наконец, она отключила терминал и, сняв очки, пристально посмотрела на него.

– Жалобы есть? – Она встала, закрыла дверь на замок и подошла к нему вплотную.

– Жалобы?...

Тут Ян почувствовал себя полным идиотом. Короткий белый халат возмутительно откровенно облегал шикарную фигуру Виктории, и до него, наконец, дошло, что имела в виду веснушчатая санитарка. Дальнейшее Ян помнил смутно, словно нанюхался дыма баюн-травы или сожрал литр яблочного самогона. Всё что осталось в памяти – «ёрш твою меть, ещё оказывается и так можно». Рваные воспоминания оканчивались близким разрывом танкового снаряда и градом осколков оконного стекла. Виктория вскочила с кровати и, прикрывая смуглую ногу тонким халатом, мгновенно превратилась из страстной любовницы в военврача.

– Оружие на первом этаже в кладовой за стойкой.

Ян торопливо натягивал пижамные штаны, а Виктория вдруг впиалась в его губы жарким прощальным поцелуем. – Надеюсь, ты меня запомнишь, мальчик! И тут Ян понял, что она даже не знает его имени. А Виктория – первая «настоящая» женщина в его жизни, уже отдавала приказы по внутреннему госпитальному интеркому.

– Готовим эвакуацию! Всех ходячих на оборонительный вал!

Ян оделся и выскользнул из комнаты.

Старый был уже возле гостиничной стойки. За ней двое невозмутимых санитаров, выдавали одежду, обувь и вооружение. Судя по разбросанным на диванах вестибюля пижамам, и лихорадочно экипировавшимся офицерам дела были не очень. Танковый клин восточников прорвался по западной окраине Баровска и пёр на полной скорости к «Скарабею». Перебинтованные командиры несуществующих более полков и дивизий, разбирали пулеметы, противотанковые ракеты и карабины. В этом шумном гвалте Ян различал лишь стратегическую растерянность. Эти взрослые мужики привыкли оперировать батальонами, ротами, на худой конец взводами, но сейчас карта легла так, что в их распоряжении были лишь их собственные руки и генетически вбитая смекалка. Старый с длиной трубой ПТР на плече подошёл к Яну.

– Пошли, партизан, в паре будем работать – пехота твоя, техника моя.

Ян взвесил в руке автомат с ночным прицелом и ответил просто.

– Пошли.

Они лежали на гребне дюны за бруствером в сотне метров от госпиталя. В чёрной тьме над Баровском вспыхивали краткими искрами снаряды и ракеты танцев.

– Говорят, ты «нашу» Викторию успел огулять?

Ян даже не сразу понял, о чём речь. Офицеры неподалеку хмыкнули от колкой прямоты майора, а он даже не нашёлся что ответить. Ну, чё тут скажешь? Ну, огулял, если Старый это так называет. Для Яна это было настоящим событием, а для Старого вот так вот – по-простому. В этот момент за дюной неподалеку взревели движками танки восточников.

– Внимание, товарищи офицеры! Целимся в баллоны.

Ян прильнул к ночному прицелу – в перекрестье горловина полузакопанного веспенового баллона из кухни «Скарабея» – их плохонькие версии противотанковых мин. На гребень, натужно ревя, взобрался первый танк, щелкнул выстрел и факел взметнулся к тёмным небесам. Кто-то выпустил пулю слишком рано, и баллон впустую выгорел синим пламенем, всего лишь ослепив на несколько секунд механика-водителя. Тут на гребень выполз второй танк – Ян выстрелил, сшибая горловину баллона, и под днищем машины распустился яркий огненный цветок. Пока электроника врубалась что к чему, Старый взгромоздил ПТР на плечо и воткнул ракету точно в правую часть башни. Раздался гулкий «бумц», посыпались искры, и танк откатился обратно за дюну – туда, откуда и выполз.

– Один есть – спокойно сказал Старый и тут их попёрли десятки.

Танки шли сами по себе, без прикрытия пехоты. Ян со Старым возились со своей ПТР, загоняя в ствол очередную ракету, и тут их суету вычислили. Близкий разрыв фугаса швырнул обоих на землю, осыпал горячим шлейфом песка и мелких осколков, и они ослепшие и оглохшие ползали на дне траншеи, будто перевёрнутые на спину жуки. Тяжелый Тип-95 перевалил траншею и, набирая скорость, пошел по пологому склону вниз – к офицерскому госпиталю. Ян вдруг понял, что пусковик ракеты странным образом оказался у него в руках. На всё про всё было от силы пару секунд. Вокруг ревели тяжелые танки восточников, иные выписывали пятаки на траншее, втрамбовывая в землю элиту войск федерации, а Ян, словно сжатая пружина выскочил из ямы и почти не целясь, пустил ракету вслед прорвавшемуся танку. Тандемная БЧ прошла тонкую кормовую броню и взорвалась в отделении с боезапасом. Башня взлетела, вращаясь в тёмном небе многотонной горящей мельницей, и упала, взметнув тучи песка и глухо сотрясая вселенную. Ещё три ракеты врезались в борта и корму других девяносто пятых и атака захлебнулась. По освещённому огнём полю боя металась выжившие танкисты, а Старый, вооружившись автоматом Яна, стрелял и завывал какую-то воинственную песню. Что-то про «Варяг», который врагу не сдаётся, гордый и непобедимый. Хотя, как понял Ян, и тонет.

Восточники, не привыкшие получать по носу, потеряв пять танков отступили. То, что из полусотни оборонявшихся в строю осталось от силы десять человек, им было невдомёк. После Тёмных Веков, не раз огребавшие от федерации восточные танцы обратились за советом к альянсу – те воевали совсем по-другому. Потери свыше десяти процентов считались катастрофическими, наступление только при тотальном техническом и численном превосходстве, и вообще война для этих избалованных ребят была в основном неспешной, чуть напряжённой прогулкой, по выжженной до мелкого пепла авиацией и артиллерией земле. – Но тут совсем другой расклад – объяснял Старый. Мы им самим в случае чего землю в пепел превратим, а каждый наш, как десяток этих мудаков. Старый почесал затылок, – а может и больше. Но на данный момент надо драпать в горы.

– А раненные? – Спросил Ян.

– Сколько реанимационный бокс весит, знаешь? С батареями?

Ян пожал плечами, а Старый нахмурился.

– Я за командира кого хошь порву, но тут, малый, простая правда. – Он скрипнул зубами и перехватил автомат поудобней. – Останемся, нас эти суки к утру в развалины госпиталя закатают. Уйдём, глядишь, замочим еще пару гадов.

Ян покачал головой.

– Так может подкрепление пришлют?

– Йоп! Ну, чё ты как маленький? Нашим офицерский госпиталь нечем прикрыть! Какое на хрен подкрепление?

В этот момент послышался стрёкот вертолёта.

Они добежали в самый раз – когда тридцатка плюхнулась, вздымая тучи пыли на заднем дворе «Скарабея». Тут уже стояли в ряд каталки с ранеными и несколько реанимационных боксов с переносными батареями и баллонами. Виктория, восхитительно красивая и собранная, стояла в белом халате меж каталок.

– Грузите боксы через аппарат! – Кричала она. – В боковой люк каталки. Остальные своим ходом!

Ян подивился, насколько люди могут быть похожи на муравьёв – тяжёлые боксы волокли как минимум по десять санитарок и способных передвигаться раненых. Он поправил на плече ПТР, припустил бегом и тут же подхватил скобу из рук сгибающейся под тяжестью хрупкой санитарки. Вот он уже на аппарели и в этот момент первый танковый снаряд разметал крышу «Скарабея». Ян отпустил скобу, реанимационный бокс проскрежетал углом по дюралевому полу, а он уже был снаружи. Десять секунд и в ладонях Яна рукоятки носилок из губчатой резины. Они скользкие от пота того кто тащил их до этого, запах страха, – он витал над всем происходящим, горел в мозгу ярко-оранжевым. Снова взрыв, крупный осколок взвыл над ухом и впечатался в борт вертолета, погнув направляющие боковой двери. Ян дотащил носилки с вопящим от боли офицером до люка, передал кому-то внутри, и обернулся – по флангам шли танки. Они угадывались в темноте массивными тенями, со стелющимися хвостами серой пыли. Он чувял их – запах сгоревшего веспена, горячей брони и надвигающейся смерти. Снова носилки, Ян бежит почти не чувствуя веса, все силы ему заменяет жгущий тело адреналин. Он добежал и вдруг почувствовал, что чьи-то руки затягивают его в боковой люк. Винты взвыли на пределе, тридцатка пошла вверх и тут фугас врезался в центр заднего двора «Скарабея». Осколки ударили по корпусу вертолета, над огненным шаром взметнулся серый дым, какие-то ошметки и лохмотья белого. Яну на миг показалось, что он уловил тонкий аромат духов Виктории, но оранжевое пламя пожрало всё под собой, и её аромат тоже. Вертолет завалился на бок, с трудом выровнялся, а Ян утёр рукавом вдруг выступившие слёзы.

То, что это еще далеко не спасение Ян понял тут же. Пускай его специальностью были солнечные генераторы, но перебои в работе двигателей он уловил сразу. Не штатно они работали. НЕ ТАК. Огненный шторм остался уже позади, когда пилоты решили, что и всем набившимся в салон пришла пора осознать, что они вот-вот упадут. Над дверью бронекabiны экипажа загорелось красное табло «аварийная посадка» и тридцатка резко пошла вниз – народ в салоне завыл от страха. Одно дело садиться на подсвеченную инфракрасными маяками площадку «Скарабея» и совсем другое в диком Златогорье. Вертолёт заложил крутой вираж – почти погасил горизонталку и, задрав нос, посыпался вниз. Яну, сидевшему у открытого люка, было реально страшно. Движки хрипели предсмертным воем, корпус вертолета била крупная дрожь, а внизу была лишь зажатая меж темными громадами скал, сумрачная пропасть. Пилот как мог, пытался удержать перегруженную, теряющую мощность машину, её бросало из стороны в сторону, острые пики надвигались из тьмы по левому борту и вдруг страшный удар вышвырнул Яна из салона, словно камень из пращи. Он покатился по склону, острые камни и колючки кромсали его только что вылеченное тело и рвали на части новенький камуфляж. Отключился он сразу, еще в момент первого контакта с землей, и теперь скользил по горе безвольной куклой, с пустой трубой ПТР за спиной, окровавленный, измочаленный, весь – сплошной вывих и гематома. Внизу склона протекал небольшой горный ручей. То, что осталось от ополченца второй роты медленно скользнуло по длинным прядям травы-ручейки и наконец, остановилось. Сипуха на высокой сосне вперила свой немигающий взгляд в пахнущую кровью грудку тряпья, уже было раскрыла широкие крылья, и вдруг передумала. Её острый взор различил возле умирающего человека еще что-то, – слабое свечение и потоки воздуха над холодным ручьём. Еле различимый, странный аромат поплыл между ветвей горных сосен и сова улетела.

Так больно ему не было никогда в жизни. Каждая косточка, каждый мускул, каждый квадратный сантиметр саднящей окровавленной кожи – вопил о боли. Он попытался разлепить глаза, но их склеила кровавая корка. Он попробовал разомкнуть губы, но и они покрылись твердой коростой. Даже думать было больно – мысли метались тяжелыми металлическими шариками, рикошета в гудящей голове о чугунные стенки. Теперь ему стало ясно, почему тяжело-раненные и смертельно больные иногда просят их убить – иная боль страшнее смерти. Ян попробовал пошевелить пальцами рук и ног. Вроде слушаются, или только, кажется? Превозмогая боль, он согнул правую руку, поднес её к голове, коснулся лица – сплошное месиво. Во рту солёный привкус крови, язык колют осколки зубов. Он напряг мышцы нижней челюсти и с мычающим стоном разомкнул губы. Господи, как больно – только и смог прошептать Ян.

Для него прошла вечность, для окружающего леса наступил полдень. Яркое солнце било сквозь залепленные веки, Ян лежал, отсчитывая вдохи и наконец, решился. Напряг воюющие мышцы, и с огромным трудом повернулся на бок. У самого уха журчала вода, правая рука оказалась в прохладном потоке и Ян, кое-как сложив пригоршню, плеснул себе в лицо. Потом вдохнул поглубже, выплюнул кровавую кашу и осколки зубов, и поднес несколько капель к губам. Прохладная вода дала неожиданные силы. Плевать на боль, мне всего лишь нужно смыть кровь. Он плеснул в лицо еще несколько раз и разлепил веки. Вода струилась по округлым камням, трава-ручейка купала свои пряди в заводи, солнце расцвечивало радугой паутину. Будто и нет никакой войны – ревущих танков, визжащих осколков, гудящих пуль и ракет. Здесь гудят шмели, – вот один прошел на бредущем над самой водой. Яну вдруг захотелось невозможного, сдвинуться на метр и погрузиться в прохладные воды горного ручейка. Лечь так, чтоб поток омывал истерзанное тело, забрал боль, отчаянье и бессилие. Он заскреб правой рукой по каменистому дну, проклиная долбанную трубу ПТР, нащупал большой валун и, зацепившись за него как за якорь, поволок своё тело к воде. Левая рука не слушалась, ноги вроде отзывались присутствием, но выполнять команды мозга отказывались. Любая попытка пошевелить ими отзывалась такой болью, что яркий дневной свет мерк перед глазами. Еще усилие, еще немного. Ян скользнул по мокрой траве и погрузился в небольшую промоину, – в первый момент боль пронзила всё его тело, острый шпиль впился в позвоночник и превратил его в слепящий, пылающий болью плазменный разряд. Но уже секунду спустя боль потускнела, вода окутала его прохладной невесомостью, и стало гораздо легче. Вес пустой трубы ПТР в воде почти не ощущался, голова удобно легла на поросший мягким мхом валун, и Ян прикрыл глаза. Прошло несколько минут, и тут он почувствовал, что на него кто-то смотрит. Чуть ниже по течению, в прибрежных кустах стоял крупный златогорский олень, пофыркивая черными ноздрями, он внимательно изучал Яна. Потом, видимо решив, что опасности лежащий в воде человек не представляет, олень вышел из кустов и остановился посреди ручья. Его левый бок кровоточил, и рана была свежая, кровь капала в бегущую воду – мгновенно растворяясь и смешиваясь с его Яна кровью. Олень наклонил голову с роскошными ветвистыми рогами, понюхал воду и, устраивая свое крупное тело поудобнее, улёгся в ручей. Ни хрена себе! Да тут прям водолечебница – усмехнулся Ян. Они с оленем поглядывали друг на друга, типа хорошо-то как, да, приятель? Оба млели от уходящей боли и жмурились от приятного покалывания.

Часа через полтора олень встал и, отряхиваясь, посмотрел на Яна. Понял – пробормотал Нозов – процедуры окончены. Он помахал исчезнувшему в зарослях коллеге и вылез из воды. Нельзя сказать, чтоб раны затягивались на глазах, но боль ушла, пальцами левой руки можно было шевелить, не матерясь, а вывих мог вправить только опытный человек. Ноги хоть и заплетались и подламывались но все таки сносно держали его в вертикальном положении, так что Ян избавился, наконец, от ПТР и рискнул пройти пару метров до мягких зарослей травы-ручейки.

Действуя одной правой, он соорудил подобие гнезда, и улегся на мягкой подстилке. Голова была странно пустой, – ни одной мысли – только удивительно успокаивающий белый шум.

Он провел у волшебного ручья двое суток. Три раза в день сидел в воде по часу вместе с умным оленем; спал, устроившись на мягком ложе из травы-ручейки – из её длинных стеблей соорудил повязку для вывихнутой левой руки. Собственно этот вывих и погнал его дальше. Целебная вода горного ручья не могла справиться с внутренними повреждениями, а их у Яна было немало. Набухший плечевой сустав, колющая боль в ребрах при каждом вдохе, глубокая рана на правой икроножной мышце. Ему нужна была полноценная медицинская помощь, тут горный ручеек помочь был не в силах. На третий день он проснулся от рева штурмовиков, – они прошли над самым ущельем, и вырвали Яна из спокойного, безмятежного сна. Он открыл глаза, поморщился от нахлынувших тяжелых воспоминаний и вдруг понял, что жутко голоден. А вот это уже хорошо – решил он. – Раз организм требует жратвы, значит, собирается-таки функционировать дальше.

Чуть выше по течению Ян нашёл заросли зеленики. Спелые, тёмно-зеленые ягоды, выглядывали их раскрывшихся лепестков, и источали приятный кисловатый аромат. Зеленика – эндемик Златогорья, росла здесь за тысячи лет до того как люди высадились на Новой Земле. Ягоды размером со среднюю виноградину, содержали много витаминов и полезных веществ и хорошо усваивались организмом хомо сапиенс. Ян сорвал одну и, сунув в рот, принялся осторожно жевать. С правой стороны от трех коренных зубов остались только острые осколки в десне, рана на щеке затянулась едва-едва, – видать, хорошо он приложился об острый камень, попало бы в висок и всё – привет семье. Где-то вдалеке слились в дробь частые взрывы касетных бомб, потом грохнуло что-то посерьезней, – наверное, полутонка. В ветвях сосен нервно зацвиркали желтушки, перелетела через ручей сизая кедровка. Ян отправил в рот горсть ягод, и поискал глазами подходящую палку, – хочешь, не хочешь, а придется карабкаться на склон. Если вертолет и приземлился, то точно не в этом ущелье.

Уже уходя от ручья, Ян вдруг понял, что его сверхобоняние снова заработало, и сразу въехал, почему его так тянуло забраться в эту уникальную воду. Каждый аромат его подсознание обрабатывало по-своему и выдавало результат в виде определенного цвета и ощущения. Так вот, – ручей давал в мозгу мягкий зеленый цвет, манящий и добрый. Такой образ вызывал сложный аромат родного дома. Ну. Неудивительно, что зверье сюда прёт. Он помахал еноту, который развалился на берегу, обсыхая после водных процедур, и почесывая разодранный лисой бок. Ян поправил повязку из стеблей, решительно взялся за кривоватую палку и пошёл вверх по склону.

Чем выше, тем круче и каменистее становился склон. Ян удивлялся, как вообще остался жив, пролетев по этой убийственной во всех отношениях «трассе». Острые камни, заросли терновника, массивные стволы горных сосен. Он уже понял, что не сможет подняться на самый верх. Он слишком слаб, и правая нога то и дело предательски подламывается. Да и дышать полной грудью, переломанные или треснувшие ребра не позволяют. Тут он заметил на опавшей хвое предмет несвойственный естественному фону. Чёрно-жёлтый тканевой чехол с медным лейблом на боку. Твою же мать! Это мой нож! Ян, подтягивая раненную ногу, метнулся на пару метров. Петля, на которой multifunctional нож крепился к ремню, была вырвана с корнем, – это же какое усилие надо? – Ужаснулся Ян. Он вынул из чехла массивный, солидный Ризельман. Острый нож с серекторной заточкой, пассатижи, вечный фонарик, отвертки всех видов, пилка по металлу, напильник и еще десяток нужных в работе штук. Чёрт! Он в своё

время копил на эту штуку полгода, – это просто чудо, что «ризик» вернулся к нему. Моя прелесть – прошипел Ян, ухмыляясь.

Со своим ножом Ян почувствовал себя немного уверенней, – первым делом сделал себе прямую и крепкую палку. Пускай, срезать ветки пришлось, зажимая её подбородком, но он справился. Солнце к тому времени уже шло к горизонту, птицы в лесу затихли, косые лучи с трудом пробивали густую хвою и Ян начал немного нервничать. Это же Златогорье – дикая земля, по которой гуляют земные хищники и твари вроде вока – полутигра, полуящера, – исконного зверя, который смог выжить в борьбе с фауной, привезённой со Старой Земли. Кхе-кхе-кхе – раздалось сверху. Это можно было бы принять за смех, но больше было похоже на скрип старой несмазанной турбины солнцегенератора. За эти дни я видел немало отступающих, но вы, молодой человек – редкое зрелище. Большой ворон перелетел на ветку напротив Яна и продолжил. Восточники пропустили вас через камнедробилку? Теперь Ян заметил на груди ворона небольшую блестящую пластину. Фууу. Думал всё, крыша едет. Ян все-таки был технарем и соответствующую прессу читал почти ежедневно, про опыты с нейрорегулируемыми животными знал, так что почти не удивился. Подумаешь, система дальней связи и вживлённый в череп ворона генератор импульсов. Послать команду лететь вперед, даже школьник может, нужен только образец с энцефалограммы. Вот приляпать камеру и динамик, – это умно, «креативно».

– Мне нужна помощь. – Сказал Ян ворону. – У меня ребра сломаны и нога вот.
– Следуйте за птицей, – ответил динамик, и ворон перелетел на соседнюю сосну.
К закату Ян добрёл до тёмной деревянной избушки.

Фарадеев Фарадей Фарадеевич – представился седой как лунь старик, он стоял на крыльце, чёрный ворон сидел у него на плече. Ян назвалса, пожал сухую крепкую ладонь и сказал.

– Чудно тут у вас.
Из соломенной крыши выглядывал телескоп.
– Пойдёмте. Угощу вас травяным чаем, вывих ваш вправлю.

Через час Ян сидел за деревянным столом, выскобленным по старинному обычаю осколком стекла. Его вправленная рука покоилась в мягкой повязке, ребра были обмотаны губчатым жгутом, и десяток активных веществ работали внутри организма.

– Сколько капсула нанитов стоит, знаете?

Ян скривился.

– Моя зарплата за сто двадцать лет?

Старик рассмеялся. – Точно. Но сейчас время такое, нельзя жмотничать.

Фарадеевич поставил перед ним кривобокую глиняную кружку, – моя работа – старик ткнул артритным пальцем в коричневый бок, – времени на пенсии до жопы, извините. Он уселся на колченогом табурете с другой стороны стола.

– Ну, чего там? Сливаем узкоглазым?

Ян немного растерялся. На стенах избушки фото Ново-Нобелевских лауреатов, в соседней комнате вместо спальни настоящая обсерватория и вот – здрасте.

– Ну, как бы да.

– Хреново. – Фарадеев встал и, кряхтя по-стариковски, откинул крышку погреба. – По пять капель, – прохрипел он, доставая четверть, с прозрачной как слеза жидкостью.

– У меня, молодой человек, своя система очистки. Используется только ключевая вода, процесс математически точен до пятого знака после запятой, наутро никаких остаточных явлений!

– Я не пью.

Фарадеев с трудом водрузил сосуд на стол. – А что тут пить? – Он красноречиво провёл ладонью вдоль бутылки, и Ян понял что придется.

– Вот послушай. Орбита Ковчега смещается в год на миллиметр, и я тебе говорю, – это результат внешнего воздействия. Что-то странным образом влияет на него. Такое впечатление, что в окрестностях Новой Земли болтается еще какой-то объект.

– И что? Наши спутники этого не видят? – Почти кричал Ян.

– Ну, они может, и видят, но власти молчат.

Фарадеич сосредоточенно взялся за четверть, и налил по полной, Ян зацепил из плоски горсть квашеной капусты.

– Мне от этого не тепло не холодно.

– Ты выпей, Янушка.

Ян опрокинул обжигающий самогон в глотку, и в этот момент почувствовал себя волнительно живым. Было совсем не так как в траншее возле Песчанки, не так как в водах волшебного ручья. Этот глупый спор... Ну, сместился там этот хренов Ковчег – миллиметром ближе, миллиметром дальше – какая разница. Руки-ноги целы, голова на месте, завтра протрезвею и пойду мочить узкоглазых – всё ведь просто!

– Я открою тебе страшную тайну. Мало кто об этом знает, но когда Ковчег прибыл к Новой Земле, на нем ничего не работало! Миллион замерзших в камень полутрупов в стазис-камерах и сдохшая напрочь электроника. Ни один реактор уже не работал, когда люди проснулись. Понимаешь?

Фарадеев снова налил по полной чарке.

– Вселенная, Ян совсем не тот пустырь каким ты его представляешь. И может статься, что наша бойня здесь, – окажется мелкой возней, для кого-то свьше.

– Ну, да. – Скривился Ян, хотел возразить что-то умное, но вдруг понял, что уже не может, и ушёл в отруб.

Двое суток Ян только и делал, что ел и спал. Готовил Фарадеев просто, но очень вкусно.

– Ешь, ешь, солдат. Тебе нужно ткани восстанавливать, и нанитам для работы нужен разнообразный строительный материал, так, что не ворочай носом, уминай все что дают.

А Ян и не ворочал, ел все что дает старик, а с алкоголем тот к нему больше не лез. Видать удовлетворил свою тягу к застольным беседам в первый вечер, и теперь играл роль заботливого медбрата.

Утром третьего дня Фарадеевич разбудил его, уже будучи в полной боевой выкладке. На нем был комбез-хамелеон, патронташ с пулями двенадцатого калибра, на шее болтался тактический бинокль с лазерным дальномером.

– Вставай, боец, отдохнул и будет. Надо же кому-то Родину защищать.

Нозов приподнялся и понял, что не зря капсула нанитов стоит таких бешеных денег. Чуть побаливали ребра и левая рука, когда шевелишь, но в целом чувствовал он себя неплохо. За двое суток наниты почти пересобрали его поврежденные ткани, и он снова был в форме. Ян обвел взглядом комнату – в изножье узкой койки лежал потрепанный камуфляжный комбинезон, чистая майка и его, вычищенные до блеска, старые башмаки.

– Твоя одежда теперь только на тряпки годится, так что напяливай моего старого хамелеона. Мимикрирующий слой уже лет пять, как сдох, но по лесу шастать пойдет.

Ян оделся и вышел в небольшую кухню, Фарадеевич возился с индукционной плиткой.

– Каша что ли? – Потянулся Ян, разминая косточки.

– Щи да каша, пища наша. – Фарадеев улыбнулся. – Знаешь сколько лет этой поговорке? Ян пожал плечами, взял чистое полотенце и вышел на крыльцо.

Укрытое среди столетних сосен жилище астронома-самогонщика было вписано в окружающую среду изящно и остроумно. Чистейший ключ, бывший чуть выше по склону, был направлен по дубовому желобу через крыльцо избушки. Был и специальный отвод, заходивший непосредственно в дом, – это если уж погода совсем скверная. Пристройка туалета почти висела над самым обрывом, и там же выходила сливная труба. Но заросли ниже по склону росли буйно и зелено, – ясно, что никакой химией старик не злоупотреблял. Ян с удовольствием умылся холодной водой, почистил зубы и, распрямившись, втянул ноздрями кристальный горный воздух. Хорошо-то как – улыбнулся он, и тут различил характерный вой танских штурмовиков. Они прошли в паре километров, вернув Яна в паскудную реальность военного времени. Он нащупал на груди цилиндрик солдатского чипа, и сжал его в ладони.

– Я в этих местах в шестьдесят третьем служил, – Фарадеев подул на чашку, – зенитчиком. Кое-что помню с тех времен. Тут недалеко – гору перевалим и на месте. Справишься? Ян пожал плечами, отправил в рот ложку пшеничной каши – не торопись пойдем, справлюсь. Мне бы ствол какой-нибудь. Найдется? Старик сокрушённо покачал головой – извини, сынок, у меня только двустволка. Ну, значит, как обычно – с голыми руками на танки. Фарадеев загадочно усмехнулся, – не бойсь, с голыми руками не придется, жажнем так, что косым небо с овчинку покажется.

Бинокль у Фарадеева был в стократ лучше лейтенантовского. Показывал азимут, скорость и направление ветра, температуру воздуха и давление, да еще и расстояние до цели.

– Ты лазер только не включай. – Прошептал Фарадеевич. – Засекут и решат, что мы ракету наводим, и врежут большим калибром. Ян убрал палец с кнопки дальномера. Йооп! Чуть не спалил позицию. Они лежали на перевале, в зарослях красного можжевельника и внимательно изучали извивающееся по склонам шоссе. Боевые колонны восточников шли на север почти непрерывным потоком. Вот одна из бронемашин выползла на обочину, левой гусянкой чуть нависла над пропастью и остановилась, раскачиваясь на рессорах. Механик-водитель выскочил из машины, торопливо расстегнул ширинку и спокойно поливает гад чужую землю. Ян стиснул зубы – эх, сейчас бы «Тайианг» с его крупнокалиберным пулеметом – он бы эту колонну разнес в клочья. Фарадеев мягко коснулся его плеча – пойдём, немного осталось.

Погода, как бывает в горах, резко менялась. С северо-востока напоззли низкие тёмные тучи, и пошёл дождь. Тонкий комбинезон совершенно не спасал от промозглой сырости и Ян тут же начал мерзнуть. Капли скользили за ворот, мгновенно раскисшая земля заскользила под ногами, и каждый шаг приходилось выверять, словно на минном поле. Замаскированную дверь бункера найти было не просто, Фарадеев, с его, как он говорил, феноменальной памятью, плутал по мокрым зарослям минут двадцать. Наконец, вроде нашли. Старик, по известным ему приметам, определился на местности и взялся решительно за округлый валун под скальным выступом. Под ним была небольшая крышка из нержавеющей стали, а под ней кнопки цифровой клавиатуры. Фарадеев что-то прикинул, посмотрел мучительно на хмурое небо и ввёл шестизначный код. Ничего не произошло. Одно из двух – или сдохла система или поменяли код. Старик снова, уже медленней, набрал код. Твою мать! Когда я служил, код не меняли с пятьдесят третьего. Десять лет! Ян отодвинул его в сторону – можно, Фарадей Фарадеевич? На крышке было четыре винта под крест, и Ян вынул из кармана Ризельман. Наклонившись, он привычно, с чего начинал любой ремонт, сильно дунул на крышку. Песчинки вынесло из шлицов, и Ян взялся за дело. Вскрыв панель, сразу понял, что питанием служил старый термоэлектрический элемент, оставалось найти управляющую цепь, которую разработчики особо и не прятали. В далеком пятьдесят третьем никто, похоже, не ждал такого хитрожопого типа вроде Яна. Он замкнул отверткой нужные контакты и в скале с щелчком открылся еще один лючок. В здравом смысле

предкам не откажешь – лючок, замаскированный под скальную породу, прикрывал собой гидравлический привод двери, – чтоб её открыть пришлось качнуть рычаг пару десятков раз. Продохшие партизаны скользнули в узкий проём и оказались в затхлой темноте бетонного коридора. – Тут химлампа должна быть справа от входа – сказал Фарадеев. Он потряс в темноте пластиковый цилиндр и слабый зеленоватый свет осветил низкий свод.

Тоннель прошивал гору насквозь, и когда они добрались, почти высохли и отогрелись. Полумрак старого бетонного бункера прочеркивали узкие лучики света из-под бронепластин, закрывавших прямоугольные амбразуры. Помещение было небольшим – шесть на четыре. Добротный бетон, тонкий слой пыли на полу, в углу трехствольная зенитка ЗТУ-35 на четырех опорах. Ящики со снарядами были рядом.

– Тридцать лет тут это хозяйство стоит, со времён Синганского инцидента. Ну? Врежем?
– А то. – Ухмыльнулся Ян.

Пушка весила почти тонну. Пришлось убрать опоры, подкачать колеса, подкатить зэтэушку к амбразуре и прикрутить три боевых вспеновых баллона. – Ты за стрелка, Ян, у меня глазомер уже не тот, я заряжать буду. Снаряды вставлялись в направляющие у затыльника каждого ствола по десять штук. Ян немного повозился с подержавшей бронепластиной, все-таки открыл ее со скрежетом, и три ствола с любопытством выглянули на серую ленту шоссе напротив. Дождевые тучи ушли, солнце клонилось к закату, его косые лучи прорывались сквозь узкий шрам ущелья, а Ян вдруг понял, что вступил на грань. Время возмездия – максимум пятнадцать минут, потом придут штурмовики, тяжелые танки, огнеметы. Да всё что угодно. Скорей всего они умрут тут с этим странным стариком. Он пытался понять, что думали бесчисленные поколения до него, что двигало ими? Память вдруг выплеснула из своих глубин запах левореченских лилий, тяжелый дух павшей второй роты, тонкий режущий аромат «Ли-КакЕгоТам», и Ян понял простую вещь – в данный момент он на острие клинка. Его большой палец на гашетке решает многое. И Ян нажал.

Три ствола изрыгнули синее пламя, бронебойно-зажигательные заряды проббили борта танских машин, посыпались искры – мощная зенитка шила насквозь вражеские БТРы и БМП. Грузовики с баллонами вспена взбухли ярко-жёлтым, шоссе превратилось в огненную дорогу, пехота заметалась возле горящих машин. Солнце благоразумно спряталось за клубами дыма, Ян давил на гашетку, Фарадеев пихал обоймы в направляющие, а время шло на секунды. Группа прикрытия на противоположном склоне уже вычислила узкую амбразуру в отвесной скале. Заработал крупнокалиберный пулемет, две ракеты врезались в скалу рядом с амбразурой, обдав Яна жаром и гарью. Он перенес огонь выше, по позициям группы прикрытия. Мощная оптика зенитки, словно на ладони преподносила танцев, метавшихся среди острых камней. Теперь Ян стрелял скупой. Короткая отсечка в три выстрела – снаряды разворотили тяжелый пулемёт. Еще тройка – бойца с ПТР разорвало на части, тяжелая труба пусковика заскользила по склону и канула в пропасть. Еще очередь – снайпера и камня, за которым он прятался, больше нет в этом мире. Ян облизнул иссохшие губы, кинул короткий взгляд назад – в затянутый дымом и пылью бункер. Фарадеич обдирая ногти, рвал крышку очередного снарядного ящика, жалко мало их осталось, а хороших целей еще тьма. Ян спрыгнул с сиденья, метнулся к снарядам, помог уставшему старику. Зэтэушку зарядили общими усилиями, и Ян опять прильнул к прицелу. Километра два горного серпантина как на ладони, и никуда им ни деться. Дорога узкая – сзади подпирают, спереди горят, а дальность стрельбы у ЗТУ-35 больше трех километров. Так что никто никуда не едет. Ян нажал на гашетку и прошёлся короткой очередью по беззащитным машинам. Полыхнуло далекое пламя, гул взрывов отозвался эхом по ущелью, и тут по бункеру ударил в ответ крупный калибр.

Шестое чувство подсказало Яну, что пора драпать. Еще чуть-чуть, еще пять-десять секунд и будет уже поздно. Не простят танцы такого измывательства – на дороге горят десятки машин, разбирать этот бардак придется не меньше суток, они ничего не пожалеют, будут давить огневую точку любой ценой. Фарадеев уже собрался – ружье в руках, тощий рюкзак за спиной. Соображает старик, врубился еще раньше Яна. Скала от снарядов танских САУ ходила ходунком, бетонная пыль и крошка сыпалась за шиворот, а партизаны бежали по узкому проходу, тыкаясь в стены в неверном свете химлампы. Вот и узкий просвет выхода, Фарадеев задыхаясь от пыли, врезался плечом в дверь, вывалился наружу в полумрак позднего вечера и за ним выполз, сжимая онемевшую ногу, Ян. Позади огненный шторм и ревущее пламя, – мощные ракеты по лазерной указке кромсают голую скальную стену, ищут узкие амбразуры, давят всё живое огнём и мириадами острых осколков. А они с Фарадеевичем уже тут – под сенью старых раскидистых сосен, с другой стороны горы-страдалицы. Что ж поделаешь, – ей выпало послушать крепостью в этой бойне, ей и принимать на себя злобу и ненависть врага.

Ян растёр икроножную мышцу, с трудом поднялся на ноги, пробежал несколько метров, но тут же скис – присел под раскидистой горной сосной, привалился к стволу. Далекий гул взрывов терялся в горных изломах, шёл отовсюду. Вдруг в этом гуле Ян различил стрекот вертолета, Фарадеев подобрался, зло сплюнул – научились-таки воевать, суки. Он резко махнул рукой – рвать надо. Эта стрекоза по наши души летит. Старик поправил рюкзак, дернул Яна за руку, и поднял его на ноги. Соберись, боец! Или мы или они. Тебе еще за Родину биться, ты живой нужен. А Ян вдруг понял, что даже просто быстро идти, не то, что бежать, не способен. Но Фарадеев был неумолим, он вцепился своей сухой клешней в комбинезон Яна и тащил его за собой на буксире, словно мощный тягач. Звук вертолета все приближался, токал где-то над вершинами сосен – и ежу понятно, прочесывает местность в инфракрасном диапазоне. Место было чертовски неудачным – редколесье и вялый кустарник. Две фoniaщие, разогретые фигуры в тонких комбинезонах только слепой не заметит. Наблюдатель дал пилоту азимут, а дальше уже дело техники. Вертолет прошел нахально над самыми головами, сделал боевой разворот и врезал нурсами по лесу. За секунду Ян упал, потянув за собой Фарадеева, и они нырнули под поваленное дерево. Двухдюймовые ракеты взметнули землю, ключья мха, ошметки коры, острые иглы древесины. Раскаленные осколки впились в толстые стволы сосен, зашипели, остывая, умиротворенные не кровью, а древесным соком. Вертолет прошёл на полном ходу над головой Яна, развернулся и дал очередь тридцатимиллиметровой пушкой. Один снаряд попал в толстое дерево, под которым прятался Ян, оно от страшного удара сдвинулось на десяток сантиметров, и тут Ян почувствовал жуткий безысходный страх. Он зажал уши руками, прижался к сырой пахнувшей дождем земле, а сердце колотилось, где-то в районе горла. Он что-то бормотал, не помня себя, вздрагивал, словно заяц при каждом разрыве, в общем, реагировал совершенно нормально – как любой необлётанный новобранец во время авиа-атаки. А Фарадеич в это время действовал. Он сдернул со спины рюкзак, матерясь сквозь зубы, порылся в нем и извлёк дымовую шашку. Штука это была не простая, она крыла инфракрасный диапазон, рассеивала лазер и луч радара. Фарадеев привстал, размахнулся и швырнул шашку против ветра, а в следующее мгновение снаряд разорвал его тело пополам. Он даже вскрикнуть не успел – был человек, и вдруг остались лишь две бьющиеся в конвульсиях части. Ян отёр с лица веер крови, сжал челюсти до хруста и пополз вдоль поваленного дерева. Вот двустволка, вот рюкзак, вот половина Фарадеича с тускло поблескивающим патронташем. Одурающий запах крови душил Яна, он, преодолевая себя, сдернул тяжелый кожаный патронташ, тряхнул его, сбивая на землю капли крови, и тут понял, что вертолет завис метрах в тридцати от него. Дымовая шашка свое дело сделала, клубы дыма с металлизированными частицами стелились над землей, и тем козлам в кабине уже ничего не было видно. Вот и решили высадить десант.

Запах потной танской аэрокавалерии Ян вычислил мгновенно – человек пять-шесть. Спустились по тросам прямо среди сосен на мягкую прелую хвою. У них были приборы ночного видения, автоматические винтовки, гранаты, бронежилеты и прочая хренотень. У Яна старая двустволка с двухсотграммовым баллоном на два десятка выстрелов и шестнадцать тяжелых сферических пуль в пластиковых контейнерах. Радовало одно – мощная тридцатиграммовая пуля кувыркала через голову Златогорского оленя, страшно подумать, что она делает с мелким танским бойцом даже в бронежилете. Ян, припадая на правую ногу, бесшумно сменил позицию. Теперь он не только чуял врагов, но и видел. Вертолет ушел, может, на дозаправку, может, от греха подальше. Белые клубы дыма от шашки стелились чуть в стороне, а тут, в тишине дремлющего леса, пять фигур тихо крались длинной цепью, обходя позиции Яна с запада. Он аккуратно отвел рычаг затвора и проверил стволы – ружье было заряжено. Ян выцелил ближайшего танца и снова прокрутил в мозгу порядок действий. Выстрел! Фигуру в камуфляже сносит к чертям, Ян переводит стволы ружья чуть влево и тянет второй спусковой крючок. Хрен там. Вся цепь мгновенно залегла, и вторая пуля проходит мимо. В ответ плюются слепым огнем танские винтовки. Ян, как и планировал, прихрамывая, отходит назад и перезаряжается, спрятавшись за толстой сосной. Высунулся из-за ствола на мгновение, определился по вспышкам и нырнул обратно. Не любит он стрелять впустую, его так отец учил. Были-то на охоте за все время раза два, но слова отца Ян запомнил твердо – «видишь цель, уверен, что попадешь, стреляй. Нет, не трать пули напрасно». Он лег на живот и медленно высунулся из-за сосны. Танцы видать решили, что противник подавлен огнем и перебегают от дерева к дереву. Это они зря. Ян поймал на мушку бегущего и врезал дулетом, отдача зверская, но и результат – загляденье. «Кавалериста» кувыркнуло в воздухе почти на сто восемьдесят, и остальные тут же притихли – достали гранаты сволочи. Полетели и ручные и из подствольников, а Ян со своей ногой даже смяться толком не может. И вдруг в тылах танской аэрокавалерии тоже загрохало. Кто-то там копошится, стреляет и жмёт гадов. Ян воспрял. Перезарядил ружье, и пополз к развернувшимся к новому противнику узкоглазым. Ночной бой разгорелся в полную силу. Трассеры шьют темное небо, гранаты рвутся ослепительными вспышками. Кто? Где? Какого собственно хрена? Опыта Яну не хватает катастрофически. И вдруг тишина. И голоса такие деловые. Грач, забери у этого козла ПТР, и броник не забудь, пригодится. Муха, ну на хрена тебе его каска? Они же их из рисовой бумаги клеят, я её пальцем проткну. Ян с трудом поднялся на ноги и, прихрамывая, пошёл вперёд.

Бойцы бывалые – сразу видно, никто даже не дернулся особо. Ну, идет себе парняга и идет, раз не крадется, значит или свой или в плен сдаваться.

– О! – говорит мужик в изодранном ватнике. – Колонна раздолбанная на шоссе твоя работа?

Ян пожимает плечами.

– Ну, моя.

Тот вначале хрюкает как-то странно, а потом ржёт в полный голос.

– Слыхали? Ну, моя... – Проржавшись и утирая слёзы рукавом, он продолжает. – Ты красень там на три ордена федерации намолотил. Ну, моя – передразнивает он Яна и вдруг протягивает руку. – Лось. – Рукопожатие крепкое охватистое, а мужик и правда вытянутым своим лицом напоминает лося.

– Ты не стремайся. У нас весь отряд такой – сплошная фауна, йопт.

Ян мимоходом пересчитывает бойцов – пять человек, считая Лося.

– Ну? – Интересуется Лось. – На базу двигаем или как? Сегодня вроде нормально повоевали.

Ян оглядывает отряд – впечатление такое, что война ребят кого, где застала. Кого в спортзале, кого в гараже. Он прикидывает расстояние, направление и, наконец, машет рукой. Пошли, чего уж там – ободрали уже танцев только что не до костей.

Не поняли они с Лосем друг друга. Тот, впечатленный разбитой колонной, ошибочно решил, что Ян член диверсионной группы, или какого-нибудь спецотряда. Когда же выяснилось, что Нозов такой же бродячий ополченец, как и они, немного приуныл. Отряд уже три дня болтался по горам, временами пощипывая патрули танцев, живя на подножном корме и ночуя на земле. Разобравшись в ситуации, Лось хмыкнул, и потёр заросший щетиной подбородок.

– Так вот, мужики. Опять под кустом ночуем.

– Нет, Лось. Сегодня под крышей. Тут недалеко, гору перевалим и на месте.

Ян встал в голову колонны и повёл отряд к избушке Фарадеева.

Минут через сорок Ян почувствовал смрад гниения. Он остановился, определил направление и нырнул в заросли кустарника. Обгоревшая транспортная тридцатка висела на скальном карнизе, несколько обугленных трупов и разбитых реанимационных боксов лежали на земле. Где-то здесь были майор Стариков и полковник Гордеев – среди покореженного железа, и скрученных в узлы титановых стрингеров. Ян опустил голову, закрыл глаза, вспоминая. Справа и слева от него зашуршала хвоя, остальные партизаны, встали рядом, и обнажили головы. За минуту не было сказано ни слова – люди молча, напиткивались ненавистью и решимостью, – кулаки сжаты, зубы стиснуты до хруста. Ян накинул на голову капюшон комбинезона и, развернувшись, исчез в кустах, остальные скользнули за ним.

Снова пошёл дождь, напоенная влагой земля хлюпала под подошвами, мокрые ветви окатывали неожиданным душем – было холодно и сыро. Народ за спиной начал тихо ворчать, а Ян и сам уже был не рад, что взял на себя роль Сусанина. По идее, дом Фарадеева уже должен показаться среди деревьев, но его нет и нет. К тому же падающая с неба вода, прибавала запахи, и Ян ловил только аромат мокрой хвои. Наконец, мелькнуло что-то такое – тонкий след печного дымка, нотка зубной пасты, которой Ян пользовался утром. Он резко остановился, принюхался, и вычислил-таки направление – северо-запад. Через десять минут они были на крыльце. На поперечной балке сидел нахохлившийся Гамлет – нейрорегулируемый ворон Фарадеева, он скосил на чужаков чёрный глаз, но не издал ни звука. Дверь была заложена кривоватым сучком, Ян выдернул его из петель, и вошёл первым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.